

ПО ТУ СТОРОНУ ТАЙНЫ

Э.Д. БУЛЬВЕР-ЛИТТОН

ЛЕЙЛА,
ИЛИ ОСАДА ГРЕНАДЫ

По ту сторону тайны

Эдвард Бульвер-Литтон

Лейла, или Осада Гренады

«ВЕЧЕ»

1838

УДК 821.111-311.6

ББК 84(4Вел)

Бульвер-Литтон Э. Д.

Лейла, или Осада Гренады / Э. Д. Бульвер-Литтон — «ВЕЧЕ»,
1838 — (По ту сторону тайны)

ISBN 978-5-4484-5575-9

Красавица Лейла – дочь особенного человека, который считается великим волшебником. Неудивительно, что отец Лейлы находится в милости у правителя мавров, желающего сохранить свой трон и победить в войне с испанцами. Если трон шатается под ударами испанских мечей, советы волшебника, помогающего заглянуть в будущее, нужны как никогда. Однако отец Лейлы преследует тайную и куда более амбициозную цель, чем придворная карьера. Ради этой цели он, не задумываясь, разлучает свою дочь с ее возлюбленным – мавританским принцем, родственником правителя. Лейла отправлена к испанцам как заложница и там становится предметом назойливых ухаживаний другого принца – наследника испанского престола. Если бы Лейла могла выбирать между двумя принцами, то выбрала бы мавра, но судьба предоставляет ей иной выбор – гораздо более трудный и жестокий. Исторический период, когда разворачиваются эти события, стал известен под названием Реконкиста – отвоевание испанцами своих земель, где мавры господствовали много столетий. Возможно ли для Лейлы, оказавшейся в эпицентре исторической бури, хотя бы просто уцелеть?

УДК 821.111-311.6

ББК 84(4Вел)

ISBN 978-5-4484-5575-9

© Бульвер-Литтон Э. Д., 1838

© ВЕЧЕ, 1838

Содержание

Книга первая	7
Глава I	7
Глава II	10
Глава III	16
Глава IV	19
Глава V	22
Глава VI	27
Книга вторая	29
Глава I	29
Глава II	36
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Эдвард Джордж Бульвер-Литтон Лейла, или Осада Гренады

Серия «»По ту сторону тайны

Перевод с английского под редакцией *С.С. Лыжиной*

© ООО «Издательство «Вече», 2025

Книга первая

Глава I Волшебник и воин

Летом 1491 года войско короля Фердинанда и королевы Изабеллы¹ осаждало Гренаду², захваченную маврами много столетий назад и успешную стать настоящим восточным городом на испанской земле.

Ночь только начала свое шествие по Андалузии. Полная луна, разливая бледный свет в прозрачном воздухе, спокойно сияла над обширным и шумным лагерем испанской армии. Серебристые лучи отражались от вечных снегов на бесплодных вершинах Сьерра-Невады³ и создавали резкий, но восхитительный контраст с той роскошной растительностью, с тем поразительным плодородием, которых опустошительное влияние войны не могло полностью уничтожить на прелестной равнине, расстилавшейся у подошвы гор.

На улицах мавританского города местами еще толпился народ. Некоторые из этих людей, как будто не чувствуя опасности, угрожавшей их отечеству, в спокойной праздности слушали игру мавританской лютни или веселый рассказ какого-нибудь арабского импровизатора⁴.

Другие жители города, напротив, спорили между собой жарко и горячо, хоть это совершенно чуждо хладнокровию и склонности к спокойствию, характерному для всех восточных народов. Такие споры могли быть только следствием какого-нибудь необыкновенного, важного события. Но шум этих небольших сборищ только подчеркивал глубокую и мертвую тишину, торжественную и удивительную, которая царствовала над остальной частью города.

Именно в такое время на улицах показался человек, закутанный в широкий и длинный плащ. Этот человек шел, сложив руки на груди и устремив глаза в землю: он, по-видимому, не обращал ни малейшего внимания на то, что происходило вокруг. Но редкие толпы, посреди которых, погруженный в глубокое раздумье, он шествовал, не ощущали того равнодушия и безразличия, которое прохожий выказывал им.

– Великий Аллах! – сказал один из тех, кто заметил прохожего. – Это же волшебник Альмамен.

– Он своими чарами усыпил мужество Боабдила Юного⁵, – произнес другой, поглаживая свою бороду. – Я бы его осыпал проклятиями, если б у меня хватило смелости.

– Но, говорят, он обещал, что если все люди падут в битве, то ангелы⁶ будут защищать Гренаду, – заметил третий, однако не очень уверенно.

– Аллах всемогущ, а чему суждено быть, того не миновать, – сказал четвертый с торжественным самодовольством пророка.

Однако же, каковы бы ни были чувства, выраженные в этих словах, – будь то уважение или ненависть, страх или надежда, – но народ везде давал дорогу незнакомцу и умолкал, как только волшебник приближался и мог расслышать суждения, не предназначенные для его

¹ Король Фердинанд II Арагонский и его супруга королева Изабелла I Кастильская – испанские правители, которые благодаря своему браку положили начало объединению испанских земель в большое королевство.

² Сейчас этот город называют – Гранада.

³ Сьерра-Невада – горный массив на юге Пиренейского полуострова, в Андалузии.

⁴ Импровизатор – здесь: тот, кто придумывает рассказ на ходу.

⁵ Мухаммед XII Абу Абдаллах, известный как Боабдиль, – последний эмир Гранады. Правил в 1482–1483 и 1487–1492 годах.

⁶ В исламе, как и в христианстве, существует понятие ангелов.

ушей. Миновав Закатин – улицу, пересекавшую большой базар, – так называемый волшебник поднялся узким и извилистым переулком, пока наконец не очутился перед стенами, окружавшими дворец-крепость Альгамбру.

Часовые, стоявшие у ворот, отдали пришедшему честь и молча пропустили его. Через несколько минут он затерялся в дворцовом саду между рощами и кустарниками, посреди которых искрились прелестные фонтаны, посеребренные тусклыми лучами луны, а над садом возвышались величественные здания Альгамбры. По правую сторону виднелись Алые башни, которые не раз перестраивались, но фундамент их теряется в сумраке времен, относящихся к финикийской экспансии⁷.

Альмамен остановился и огляделся вокруг.

– Неужели Эдем был прелестнее? – произнес он. – И это очаровательное место будет попираемо нечестивыми стопами победителей-назареев⁸! Что ж поделать? Таково вечное течение событий земных. Одна вера гонит другую, один народ – другой, и так до тех пор, пока время не возвратится к первоначальной точке, от которой оно проистекло, и не будет снова вручено владычество древнейшей вере и древнейшему народу. Тогда вострубит рог могущества нашего!

Занятый подобными мыслями, он снова умолк, долго и пристально взирая на звезды, число которых с каждой минутой увеличивалось и чей свет с каждой минутой усиливался. Серебристое сияние небесных светил обливало играющие струи вод и темную зелень, едва колеблемую тихим вечерним ветерком. Взоры волшебника были так пристально устремлены на небо, а все чувства так заняты восторженными думами, что он не заметил приблизившегося к нему мавра, блестящее оружие которого и белоснежная чалма, осыпанная изумрудами, ярко выделялись в густой и темной зелени.

Ростом этот воин был выше большинства своих соотечественников, обычно невысоких и худощавых, но он не мог соперничать ни в росте, ни в телосложении с могучими великанами, которыми являлись знаменитейшие из воинов испанских. Тем не менее в его осанке и выражении лица было нечто такое, что показалось бы величественным и властным даже в высшем кругу христианского рыцарства. Поступь его была легка и одновременно горделива, так что казалось, будто он с презрением отталкивал от себя землю. В положении его небольшой головы, с вздернутым подбородком, и прямой шеи проявлялось непререкаемое и поразительное достоинство, которое так прекрасно согласуется с нашим понятием о царском происхождении и врожденном мужестве. Такая манера человека держать себя означает, что у него благородная и возвышенная душа.

Незнакомец приблизился к Альмамену и остановился в нескольких шагах. Воин некоторое время молча смотрел на волшебника и наконец, обратясь к нему, произнес холодным и насмешливым тоном:

– Надменный исследователь неведомых тайн! Не в звездах ли читаешь ты судьбы людей и народов, которые Пророк⁹ вверил уму вождей и рукам воинов?

– Принц! – отвечал Альмамен, спокойно поворачиваясь в ту сторону, где стоял незнакомец, и узнавая воина, прервавшего его размышления. – Я лишь размышлял, сколько потрясений, заставивших землю содрогнуться до самого центра, видели эти светила, не принимающие в них участия и неизменные в своем вечном движении.

– Не принимающие участия? – возразил мавр. – Однако ж ты веришь, что они влияют на земные дела?

⁷ Алые башни были построены в IX веке н. э., но автор относит их появление к более раннему периоду, когда город был колонией финикийских торговцев.

⁸ Назареи – здесь: христиане, то есть последователи Иисуса из Назарета.

⁹ Пророк Мохаммед.

– Ты обижаешь своего верного слугу, – отвечал Альмамен с легкой улыбкой. – Ты ставишь его в один ряд с ничтожным сборищем астрологов.

– Я думал, что астрология составляет часть науки тех двух падших ангелов, Харута и Марута¹⁰.

– Может быть, но мне неизвестна эта наука, хоть я и бродил в глубокую полночь по древнему Вавилону.

– Стало быть, молва обманывает нас, – отвечал мавр с некоторым удивлением.

– Молва никогда не имела притязаний на правду, – произнес Альмамен. – Аллах да пребудет с тобой, принц! Я иду к государю¹¹, – прибавил он и хотел продолжать свой путь.

– Остановись! Я только сейчас был у него и, надеюсь, оставил с мыслями, достойными повелителя Гренады. Я не хочу, чтобы чужеземец и человек, чьи руки не умеют управляться ни с мечом, ни с щитом, рассеял эти мысли и заставил повелителя переменить принятые им решения.

– Благородный Мусá!¹² – отвечал Альмамен. – Ты напрасно опасаясь, что мой голос может ослабить то воодушевление, которое твой вселил в сердце Боабдила. Увы! Если б обращали внимание на мои советы, то, поверь мне, воины Гренады меньше рассуждали бы про Мусу и больше говорили о своем государе. Но судьбе или Аллаху было угодно, чтобы на шатающийся трон династии воссел тот, кто при всей своей храбрости слаб силами, а при всей своей мудрости является лишь мечтателем. Ты же врожденные недостатки характера приписываешь влиянию моих советов. Разве это справедливо?

Муса устремил испытующий взор на лицо Альмамена, затем мягко положил руку на плечо волшебника и произнес:

– Чужеземец, если ты нас дурачишь, то знай, что эта рука, заставившая расколоться столько неприятельских шлемов, никогда не пощадит чалмы изменника!

– Знай и ты, надменный принц, – возразил Альмамен твердым и спокойным голосом, – что я только одному Аллаху даю отчет о причинах, побуждающих меня к действию. А что касается моих поступков, то я всегда сумею оправдаться перед людьми!

Сказав это, волшебник завернулся в свой длинный плащ и скрылся за густой зеленью.

¹⁰ Харут и Марут – согласно исламу, два ангела, находившиеся в Вавилоне в период жизни пророка Сулеймана (еврейского царя Соломона) и обучавшие евреев колдовству.

¹¹ То есть к эмиру Боабдилю.

¹² Муса ибн Абиль Гассан (ибн Аби аль-Гассан) – реальное историческое лицо, родственник эмира Боабдила. Прославился как герой обороны Гренады, однако о его жизни в целом известно крайне мало.

Глава II

Правитель Гренады в своем дворце

В одной из роскошных зал, соединяющих в себе черты каменного грота и удобства комнаты и известных только обитателям теплого климата, отдыхал молодой мавр, погруженный в глубокую задумчивость.

Алебастровые колонны необыкновенной белизны поддерживали потолки из кедровых досок, раскрашенные золотом и лазурью. Ряды этих колонн, украшенные прелестной резьбой, общей для арабской архитектуры, образовывали открытые аркады, легкие и изящные, чем-то похожие на пышные виноградники Италии, чьи ветви сплетаются вверху, образуя свод. Между колоннами виднелись фонтаны, освещенные такими же алебастровыми лампадами и восхищавшие слух волшебными звуками своих журчащих вод. Одна сторона этой залы, совершенно открытая, образовала широкий и просторный балкон, висевший над извилистой рекой Дарро, и с него можно было окинуть взглядом те бесчисленные холмы, леса и апельсиновые рощи, которые донныне образуют очаровательные ландшафты Гренады.

По всей зале были расставлены диваны, обитые ценной голубой материей, щедро украшенной шитьем из золота и серебра. На одной из колонн, неподалеку от того дивана, на котором лежал мавр, висели круглый щит, легкое копье и кривая сабля – эти необходимые атрибуты мавританского воина. Все оружие было украшено редкими драгоценными камнями, и хватило бы одного взгляда на эти дорогие изделия, чтоб угадать высокое положение их владельца, даже если б его великолепная одежда не говорила об этом так же красноречиво. Перед мавром стоял ажурный серебряный столик, где лежала открытая рукопись, но этот человек, казалось, и не думал читать ее. Опершись на руку, он блуждал взорами в туманной дали, где высокие холмы, возвышаясь один над другим, неприметно сливались с темной синевой ночного небосклона.

Невозможно было смотреть на владельца этой великолепной залы без глубокого сочувствия, смешанного с печалью. На лице мавра было напечатлено то неизгладимое предчувствие мрачной судьбы, которое мы всегда находим в чертах Карла Первого, короля английского¹³.

Это привлекательное лицо его носило на себе отпечаток глубокой, величественной грусти и задумчивости, которым юность и красота придавали еще более выразительности. Волосы и борода его были не черного, типичного у мавров, а темно-золотистого цвета. На широком лбу и в больших глазах выражалось вечное меланхоличное добродушие, которое редко можно встретить в мрачных чертах надменных сынов солнца. Такова была наружность Боабдила Младшего, последнего из мавританских государей в Испании.

– Чему учат, – рассуждал он сам с собой, – эти книги, источники арабской мудрости? Презирать богатство и могущество, а свое сердце сделать государством, которое не тревожат земные страсти. Так вот в чем заключается мудрость! Но буду ли я мудрецом, если последую этим правилам?.. Увы! Весь свет назвал бы меня глупцом и безумцем. Всегда так: голос разума дает нам правила, а голос жизненного опыта заставляет нас пренебрегать ими. О великий Пророк! Какими глупцами выглядели бы люди, если бы хитрость и плутовство не прикрывали их глупость!

После этих слов, более подходящих философу, а не государю, который вот-вот лишится власти, юный монарх с досадой бросился на подушки.

Он провел несколько минут в размышлении, которое, по-видимому, еще более расстроило его. Наконец мавр снова приподнялся и вскричал:

¹³ 30 января 1649 года этот английский король был казнен – обезглавлен на эшафоте – по приговору парламента.

– Душа моя жаждет упоения музыкой. Эти странствия в беспредельную область мыслей и дум утомили меня, а волны звуков наполнят мое сердце сладостной негой и оживят утомленного странника.

На едва приметный жест призвал мальчика, доселе скрывавшегося под одной из аркад. Узнав волю своего повелителя, этот слуга снова исчез, а через несколько минут раздались легкие шаги; между колоннами и у волшебных фонтанов засемили маленькие, нежные ножки арабских невольниц.

Когда, едва касаясь пола, красавицы в своих полупрозрачных легких одеждах вошли в эту прохладную и наполненную аурой сладострастия залу, то казалось, что это были восточные пери¹⁴, покинувшие свое волшебное царство, чтобы сократить и усладить часы отдохновения юного властелина. С ними взшла девушка необыкновенной красоты, но ростом несколько пониже своих подруг. В руке ее была мавританская лютия.

Легкая бледная улыбка оживила царственные черты Боабдила, когда взгляд его остановился на прелестном стане и смуглом, но очаровательном лице девушки. Она одна приблизилась к монарху и, робко склонившись, поцеловала его руку. Затем красавица опять присоединилась к своим подругам и запела песню, сопровождаемую звуками серебряных бубенчиков на тех музыкальных инструментах, которые держала каждая из танцевавших девушек.

Песни Амины

I

Тихо лей серебристые волны,
О музыки сладкий поток!
На крыльях ветра, аромата полных,
Нежной Розы неси голосок.

К пристани души той несравненной
Ты неси челнок любви священной,
Песен Розы нежный дар!

II

Песнь любви поем мы – юны девы.
Там же, где блестит Аллаха трон,
Позабудешь наши ты напевы, —
Там с ветвей иной услышишь звон¹⁵.

Мы же с беззаботною душой
Лишь поем, о милый, пред тобой.
Быть с тобою – вот наш рай!

III

В лютии звук, приятный и тоскливый,
Я хочу сейчас же превратиться,

¹⁴ Пери – аналог фей или нимф в восточной мифологии.

¹⁵ Согласно исламу, деревья в раю увешаны колокольчиками, красиво звенящими при каждом дуновении ветра.

Чтобы мне в твоей душе, мой милый,
Звуком лютни тут же очутиться.

И, как песня, в сердце залететь.
Там, как песня, сладко умереть
В радости и упоенье.

Музыка смолкла; невольницы, как будто жезлом волшебника превращенные в алебастровые статуи, остановились, сохраняя свои очаровательные позы. Юная певица упала коленями на подушку, лежавшую у ног Боабдила, и устремила взоры, исполненные нежности, на его задумчивое лицо. Однако именно в этот момент посреди залы внезапно очутился человек, о котором никто не докладывал.

Он был среднего роста, сухощавый, но крепкого телосложения. Широкий и длинный черный плащ, похожий на одежду армян, прикрывал его кафтан, сразу обращавший на себя внимание своим ярко-красным цветом. На широком поясе его висел небольшой золотой ключик, а по правую сторону был заткнут закривленный кинжал, щедро осыпанный драгоценными камнями.

Какая-то резкость и выразительность, необыкновенная у испанских мавров, проявлялась во всех его чертах. У него был широкий и высокий лоб, а в глазах, темных и больших, светился ум и проницательность. Короткая, черная и гладкая борода закрывала всю нижнюю часть лица, кроме больших и полных губ, в которых ясно выражалась решительность и непоколебимая твердость характера. Орлиный нос его отличался изяществом формы, и все строение черепа (несколько крупного в сравнении с остальной фигурой) показывало необыкновенную силу и непреклонность воли.

При первом взгляде казалось, что незнакомец этот среднего возраста, но более внимательный осмотр легко позволял заметить круги под глазами и морщины на челе, означавшие лета более преклонные. Сложив руки на груди, этот человек неподвижно стоял неподалеку от монарха и в безмолвии ожидал той минуты, когда его присутствие будет замечено.

Ожидание продлилось недолго. Взоры и движения девушки, сидевшей у ног Боабдила, привлекли внимание владетеля Гренады к тому месту, где стоял незнакомец. Глаза правителя необычайно заблестели, как только они заметили гостя.

– Добро пожаловать, Альмамен! – поспешно вскричал Боабдиль и, сказав это, сделал знак невольницам удалиться.

– Не позволишь ли мне остаться? Мне здесь так хорошо, о сокровище души моей! – произнесла певица, сидевшая у ног монарха.

– Милая Амина! – отвечал Боабдиль, нагнувшись, чтобы поцеловать ее в лоб, и приподнимая пышные локоны, осенявшие его. – Ты должна быть свидетельницей только веселых часов жизни моей. Тебе не следует знать о трудах и заботах, но прежде, чем соловей успеет пропеть луне свою прощальную песнь, я опять буду с тобой.

Амина вздохнула, встала и исчезла вместе со своими подругами.

– Друг мой, – сказал Боабдиль, оставшись один с Альмаменом, – твои советы часто вливают спокойствие в душу мою, а спокойствие в дни войны – преступление. Но что делать? Как поступить? К чему прибегнуть? Увы, в час моего рождения слишком справедливо прибавили к моему имени прозвище Несчастливый. Несчастье уже наложило свою мрачную, роковую печать на чело мое прежде, нежели уста мои могли произнести молитву против этого влияния. Мой суровый отец, грозный взгляд которого был мрачен, как взгляд ангела смерти Азраила, ненавидел меня с тех пор, когда я еще лежал в колыбели. Едва я достиг юношеского возраста, как мятежники против моей воли воспользовались моим именем, чтобы взбунтоваться против моего отца. Ввергнутый им в темницу, я ежеминутно ждал смерти от яда или кин-

жала и был спасен только хитростью моей матери. Наконец, когда годы и болезнь заставили руку моего отца выронить железный скипетр, права мои были забыты и мой дядя аз-Загалл¹⁶ принял бразды правления, принадлежавшие мне. Удрученный открытой войной и тайными изменами, я боролся за державу мою, сделавшись в итоге единственным государем Гренады и легкомысленно воображая, что дядя мой утратил народную любовь, когда поддался христианскому королю и признал себя его вассалом. Я вижу, что мои несчастные подданные винят меня в преступлении аз-Загалла, утверждая, что только моя слабость и бездействие заставили его покориться испанскому оружию. Освобожденный от соперника, я хотел показаться моему народу. И что же? Меня встречают с негодованием и проклятиями. И я, заключенный теперь в стенах моей Альгамбры, уже не смею ни предводительствовать моими войсками, ни показаться моим подданным. Меня называют слабым и нерешительным те самые люди, которые налагают оковы на мою силу и мое мужество. Взгляни на тот утес! Быстрый поток льется с него, и камень не может удержать течения вод: так и я вижу, как власть с каждым днем безвозвратно утекает из рук моих.

Юный монарх говорил с жаром и глубокой печалью. В волнении он стремительными шагами, то замедляясь, то ускоряясь, ходил взад и вперед по комнате. Альмамен видел, какие чувства обуревали душу правителя, и смотрел на него с твердым и непоколебимым спокойствием.

– Светило правоверных! – произнес он, когда Боабдиль закончил свою речь. – Небесные силы никогда не обрекали человека на непрерывную деятельность, никогда не награждали его постоянным счастьем. Мрачные облака и солнечный свет одинаково неизбежно появляются на горизонте судьбы нашей. Если ты страдал в юности, то радуйся: ты уже изведаль все предназначенные тебе несчастья, поэтому зрелые лета твоей жизни будут славны, а дни твоей старости будут изобиловать радостью и весельем.

– Ты говоришь так, как будто бы войска Фердинанда еще не окружили стен моих, – с живостью возразил Боабдиль.

– Войска Сеннахирима, царя ассирийского¹⁷, были не менее многочисленны, – отвечал Альмамен.

– Мудрец! – произнес Боабдиль голосом, в котором насмешка соединилась с торжественным тоном. – Мы, испанские мусульмане, уже не разделяем фанатизма, свойственного нашим восточным единоверцам. К нам проник свет наук и философии. И если образованнейшие из нас наружно уважают обряды и сказки, которые так ценит чернь, то не безумие верования, а благоразумие политики заставляет нас поступать таким образом. Не говори же мне о твоих примерах из древних религий. Аллах – по крайней мере, в наш век – уже не посылает ангелов для защиты людей, и если я буду ждать, пока Фердинанда постигнет участь Сеннахирима, то скорее увижу знамя с крестом на Алых башнях Альгамбры.

– Однако ж, государь, – сказал Альмамен, – если ты отвергаешь фанатичное верование, то отвергаешь ли фанатичное гонение? Ты не веришь священным книгам, где рассказано о преследованиях, которым подвергался еврейский народ, но дозволяешь судьям, сановникам, воинам и всем твоим людям преследовать евреев, грабить, угнетать и мучить этот родственник арабам народ¹⁸.

– Презренные скряги, они заслужили свою участь! – гордо отвечал Боабдиль. – Золото – их бог, торжище – их отечество. Слезы и стенания моих людей не трогают их. Евреи сожалеют

¹⁶ Мухаммед XIII аз-Загалл – правитель Гранадского эмирата в 1485–1487 годах.

¹⁷ Сеннахирим – царь Ассирии. Царствовал приблизительно в 704/705—681 годах до н. э. Известен своими карательными походами, которые совершал ради укрепления власти, но не смог ее укрепить в достаточной степени, так как был убит в результате заговора.

¹⁸ Согласно религиозным текстам, арабы и евреи произошли от двух сыновей Авраама, о котором рассказывают Тора, Библия и Коран. Прародителем евреев считается старший сын – Исаак. Прародителем арабов – Измаил, младший сын.

только об упадке торговли и беспокоятся о ней. Эти всесветные грабители готовы захватить алчной рукой свое имение каждого человека. Что же здесь удивительного, если каждый рад отправить их на тот свет? Евреи еще ненавистнее мерзостного племени Ханифа, которое во время голода съело идола своего¹⁹. Сыны Моисея за финиковую косточку готовы продать все семь небес.

– Твои законы отнимают у них все способы удовлетворить честолюбие, оставляя только один – накопление богатства, – возразил Альмамен. – И подобно тому как растение изгибает свой стебель, чтобы, невзирая на все преграды, пробиться к солнечному свету, так и душа человека, если законный путь ей воспрещен, длинной и извилистой стезей стремится обрести наслаждение в лучах власти, славы и почестей, что вполне естественно. Евреи не были торговцами и скрягами, когда жили в своей святой отчизне: не они ли обращали в бегство воинственных предков твоих, древние арабские племена? Не они ли, терзаемые голодом, скорее решались питаться кусками собственного тела, нежели сдать город, менее укрепленный, чем Гренада? Не они ли противостояли неприятелю более многочисленному, чем эти хвастливые испанцы? Но оставим это. Государь, если ты уже не веришь в помощь ангелов, то можешь ли ты верить мудрости смертных людей?

– Могу верить и верю, – отвечал Боабдиль, почти перебивая собеседника. – Первое для меня непостижимо, а о втором я могу судить через свои ощущения. Послушай, Альмамен, этим вечером у меня был мой гордый родственник Муса. Он уговаривал меня не опасаться моих подданных и оставить эти стены, которые стесняют мой дух, жаждущий деятельности. Он умолял меня надеть воинские доспехи, опоясаться мечом и появиться на площади Виваррамбла²⁰ среди благородных гренадцев. О, как бьется сердце мое при этой мысли! И если мне не суждено жить, то я умру, по крайней мере, смертью, достойною монарха!

– Благородные слова, – холодно произнес Альмамен.

– И так ты одобряешь мое намерение?

– Истинные друзья государя никогда не могут одобрить его желания умереть.

– Как? – спросил Боабдиль изменившимся голосом. – Неужели ты полагаешь, что мне суждено погибнуть на этой войне?

– Правильно или неправильно выбранный час определит твоё поражение или победу.

– А правильный час?..

– Еще не наступил.

– Не в звездах ли читаешь ты это?

– Предоставь мавританским прорицателям питать и распространять это безумное верование. Твой раб видит в звездах только миры, более великие, чем эта ничтожная земля; миры, сиянье которых не усилится и не померкнет, даже если наша земля исчезнет из неизмеримого пространства.

– Ты непостижимый человек! – произнес Боабдиль. – И откуда же истекает твоё могущество? Откуда ты почерпнул знание о будущем?

Альмамен подошел к монарху, стоявшему перед открытым балконом.

– Взгляни, – сказал он, указывая на воды Дарро, – взгляни на эту реку! Она состоит из стихии, в которой люди не могут существовать. Так и в том тонком, неосязаемом воздухе, наполняющем пространство над нами, наши стопы не могут обрести ни одной стези, и соединенные войска вселенной не смогли бы основать там государства. Однако ж при помощи простых навыков рыболова и охотника мы умеем добывать рыб и птиц, обитателей воды и воздуха, и удовлетворяем этим самые обыкновенные наши потребности. В том же самом состоит

¹⁹ Арабы племени Бену-Ханифа во время голода съели своего идола, сделанного из теста, не побоявшись наказания и мести от чтимого ими божества.

²⁰ Виваррамбла – площадь и одноименные ворота в Гранаде.

и истинное искусство волшебства. Если поверхность земли, малая часть нашего мира, населена живыми существами, то неужели ты думаешь, что нет жизни в ее неизмеримой глубине, в беспредельном эфире, ее окружающем? И как рыбак и птицелов умеют заманить свою добычу, так и мы, с помощью нашего разума, можем подчинить себе и повелевать нежнейшими существами тех областей и стихий, в которые не могут проникнуть ни грубые тела, ни наши органы чувств. Вот в чем заключаются мое учение и моя мудрость. Об иных мирах я почти ничего не знаю: но о существах, населяющих этот мир, – будь то люди, ангелы или духи, как их называют ваши сказки, – я имею некоторые сведения. Будущность для моих взоров закрыта, как для слепца. Но по моему велению могут явиться существа, которые более могущественны и чьи взоры более проницательны, чем мои.

– Докажи мне силу своего волшебства, – сказал Боабдиль, изумленный не столько словами, сколько дрожащим голосом и вдохновенным видом волшебника.

– Желание моего государя для меня закон, – ответил Альмамен, – и я всегда готов повиноваться ему. В следующую ночь ожидаю тебя.

– Где?

Прошло несколько мгновений в глубоком молчании. Наконец Альмамен подошел к Боабдилю и сказал ему что-то на ухо: юный монарх вздрогнул и побледнел.

– Страшное место!

– И сама Альгамбра, о великий Боабдиль, не менее страшна, пока под стенами города будет находиться Фердинанд, а в городе – Муса.

– Муса! Как ты смеешь питать недоверие к храбрейшему из моих воинов?

– Может ли мудрый государь доверять тому, кого так превозносит его войско? Если бы завтра смертоносная стрела поразила Боабдила на бранном поле, кого возвели бы вельможи и воины на трон? Неужели нужна мудрость волшебника, чтоб угадать ответ и произнести имя Мусы?

– О несчастное государство! О несчастный государь! – вскричал Боабдиль с глубокою горестью. – У меня не было отца, у меня нет подданных и скоро не будет и отечества. Неужели мне никогда не суждено обрести друга?

– Друга? Бывают ли они у правителей? – сухо возразил Альмамен.

– Прочь от меня! Прочь отсюда! – кричал Боабдиль, совершенно подавшись врожденной вспыльчивости своего характера. – Твоя бесстрастная, суровая мудрость веет на меня могильным холодом. Слава, доверие, сочувствие и человеческое участие – все это уничтожают твои советы. Оставь меня! Я хочу быть один.

– Мы увидимся завтра в полночь, – произнес Альмамен с тем же спокойным и бесстрастным видом. – Прощай, великий государь!

Боабдиль обернулся, но волшебника уже не было. Тихо и незаметно явился он – тихо и незаметно исчез из зала, подобно призраку или привидению.

Глава III Влюбленные

Расставшись с Альмаменом, Муса направился к холму, расположенному напротив той возвышенности, которую, как короной, увенчивали здания и башни Альгамбры. Там, куда направился Муса, находились дома знатных и богатых жителей Гренады. Он выбирал самые отдаленные и пустынные улицы и наконец на холме остановился перед низкой и длинной стеной, окружавшей сады какого-то богатого владельца. Долго и робко озирался принц вокруг. Все было тихо, и только временами эта безмолвная тишина нарушалась или всплеском серебряных вод в фонтанах, или минутным дуновением ветра, который веял со снежных вершин Сьерра-Невады и заставлял слегка дрожать ароматную зелень апельсиновых и лимонных деревьев.

Сердце мавра сильно билось. Он не стал долго медлить, перескочил через стену и очутился на цветущей поляне, похожей на пестрый ковер и осененной группами ветвистых деревьев с густой темной зеленью, среди которой виднелись сочные золотистые плоды.

Он пошел далее и наконец остановился перед домом, архитектура которого показывала, что он был построен еще до вторжения мавров в Испанию. Нижняя часть строения состояла из низких аркад с тяжелыми и почерневшими от времени колоннами, по большей части скрытыми множеством роз и разнообразных кустарников. Окна с решетками, находившиеся над ними, выходили на большие балконы, украшенные в мавританском вкусе и являвшиеся пристройкой недавних времен. Только в одном из верхних покоев виднелся свет. Остальную часть дома покрывал густой сумрак ночи, и казалось, что все обитатели жилища уже давно спали. Мавр подкрался к тому окну, в котором мелькал огонек, и после минутного безмолвия запел арабскую песню, но таким тихим голосом, что казалось, он шептал, а не пел.

Серенада

Не прячься, покажись, прекрасное светило!
Взгляни: сиянье звезд – твоих подруг —
Алмазным блеском тьму небес покрыло.
Приди, о милая! Избавь меня от мук!
Я буду счастлив видеть эти очи.
О, рядом с ними блекнут звезды ночи!

Чеканным словом из Корана меч увит,
А имя милой я на сердце начертал.
Слова священные твердил я в ходе битв
И имя тихо, как молитву, повторял.
Но чувствую – Аллах свидетель в том! —
Не совладать мне с сердцем, как с клинком.

Сияй, сияй мне, свет моей души!
Другим светилам зависть ты внуши.
Затми луну красотой глаз своих.
О, не устану я смотреть на них!

Когда принц закончил, одна из решеток тихо отворилась, и на балконе показалась женская фигура.

– О Лейла! – произнес мавр. – Я вижу тебя, и я блаженствую!

– Тише, – отвечала Лейла, – говори тише и не оставайся здесь долго: я боюсь, как бы нас кто-нибудь не увидел. И еще я боюсь, – добавила она дрожащим голосом, – что мы видимся теперь в последний раз!

– О великий Пророк! – вскричал Муса, и его возглас был исполнен страсти. – Что я слышу? Зачем эта таинственность? Почему я не имею права знать ни того, к какому народу ты принадлежишь, ни твоего сословия, ни имени твоих родителей? Неужели ты думаешь, прелестная Лейла, что в Гренаде есть такой знатный дом, который может отвергнуть союз с Мусой ибн Абиль Гассаном? – Он продолжал уже тише и нежнее: – А если не это, то что же может препятствовать нашему браку? Поверь, что ты всегда будешь прекрасным цветком для сердца моего. И мне все равно, где этот цветок родился – на горной вершине, по соседству с гнездами царственных орлов, или в долине у ее подножия.

– Увы! – отвечала Лейла, проливая горькие слезы. – Покров тайны, который так тебе не нравится, закрывает мое прошлое не только от тебя, но и от меня самой. Сколько раз я говорила тебе, что ничего не знаю ни о месте своего рождения, ни о своем детстве. Во мне живет лишь туманное воспоминание об отдаленных жарких странах, где среди песков пустыни вечный кедр гордо вздымает свою вершину и где верблюд, бродящий по изнуренной зноем земле, питается растениями, увядшими от палящих лучей солнца. Мне кажется, у меня тогда была мать: заботливые попечения окружали меня, и под звуки сладостных песен я погружалась в сон.

– Душа твоей матери переселилась в мою душу, – с нежностью сказал мавр.

Лейла продолжала:

– Перенесенная волей судьбы сюда, я из детства перешла в пору юности, и с тех пор уже никогда не покидала эти края. Невольницы предупреждают мои малейшие желания, а люди, изведавшие и богатство, и бедность, которой я не знала, говорили, что меня окружают сокровища и великолепие, достойные царицы. Но у меня нет, или, по крайней мере, я не знаю своих родственников, кроме отца. Мой отец, всегда мрачный и молчаливый, посещает меня редко, очень редко, – часто проходят целые месяцы, и я не вижу его. Однако ж я чувствую, что он меня любит. До того, как я узнала тебя, Муса, я считала счастливейшими те минуты своей жизни, когда слышала его приближающиеся шаги и бросалась в отцовские объятия, нарушавшие мое одиночество.

– И ты все еще не можешь назвать мне имя своего отца?

– Не только я, но и никто из живущих в этом доме не знает его, кроме, может быть, Химена, того дряхлого старика, который присматривает за невольниками и наводит на меня страх и смятение одним своим взглядом.

– Это странно, – произнес Мавр, погруженный в раздумья, – однако ж почему ты думаешь, что о нашей любви кто-то узнал и может препятствовать нашим свиданиям?

– Тише! Я так боюсь, потому что Химен сегодня был у меня. «Лукавая дева, – сказал он, – в наших садах замечены следы мужчины. И если это станет известно твоему отцу, то имей в виду, что в тот день ты последний раз увидишь Гренаду». Я вся дрожала, и он, вероятно, увидев это, прибавил несколько ласковее: «Заметь, что тебе скорее позволят выйти замуж за бешеного тигра, нежели за знатнейшего из мавританских воинов! Остерегись же!» И, сказав это, он удалился. О Муса! – говорила Лейла, в отчаянии заламывая руки, переполненная любовью. – Горестные предчувствия наполняют мое сердце, и мрачная, грозная судьба представляется мне!

– Клянусь головой моего отца, что эти препятствия только усиливают во мне пламенную любовь! Ты будешь моей, даже если б тысячи врагов вставали передо мной на каждом шагу по пути к тебе!

Но мавр, в этой речи давший волю своему пылкому и благородному сердцу, едва успел произнести финальные слова, как вдруг копьё, пущенное невидимой рукой, пролетело совсем близко возле его лица и воткнулось в дерево неподалеку.

– Беги! Беги! Спасайся! Да сохранит тебя Бог! – вскричала Лейла и поспешно скрылась в свою комнату.

Мавр не стал ждать последствий новой, более удачной попытки: он отпрянул в сторону. Но его воинственная натура повлекла его не прочь от врага, а навстречу опасности. С обнаженной саблей, едва сдерживая крик ярости, готовый сорваться с уст, Муса бросился в ту сторону, откуда прилетело копьё. Осторожно и внимательно осмотрел он всю окрестность, но взгляд его, хоть и привыкший различать воинские засады, столь обыкновенные у мавров, нигде не обнаружил никакого признака жизни, нигде не встретил живого существа. С досадой и негодованием Муса прекратил поиски и хотел удалиться, но лишь только он влез на стену, как вдруг из сада раздался тихий, но резкий и явственно слышимый голос.

– Тебе сохранили жизнь, – произнес он, – но, может быть, только для того, чтоб тебя постигла участь более страшная!

Глава IV

Отец и дочь

Убранство комнаты, в которой скрылась Лейла, имело нечто общее с обстановкой всего дома, совершенно не похожего на жилища гренадских мавров. Здесь просматривалось более монументальное и, если можно употребить это выражение, египетское великолепие. Стены были увешаны восточными тканями, шитыми золотом по самому темному пурпуру. Странные слова, по-видимому на чужом языке, были начертаны на карнизах и на низком потолке. Четырехугольные колонны поддерживали его, а вокруг них вились змеи-украшения, расцвеченные золотом и эмалью. Глаза этих змей, сделанные из огромных изумрудов, отливали зеленым, почти живым блеском. На мраморных столах были разбросаны разные книги и музыкальные инструменты, а озаряла все это одинокая серебряная лампада, разливая по комнате свой слабый и тусклый свет. В целом обстановка, хоть и великолепная, но мрачная, странная и наводящая тоску, казалась более свойственной или холодным странам норманнов, или, наоборот, более южным широтам. Это было похоже на комнату в массивных каменных зданиях, издревле защищавших жителей Фив и Мемфиса от знойных лучей африканского солнца. Однако это жилище оказалось под прозрачным небосклоном Андалузии и ничем не напоминало легкие, восхитительные павильоны во дворцах изящных обитателей Гренады.

Лейла стояла в этой комнате, бледная и неподвижная. Губы ее были чуть приоткрыты, а руки сложены на груди. Девушка затаила дыхание и прислушивалась к малейшему шороху: невозможно было представить себе более подходящего образца для картины, изображающей прелестную и сияющую пери, плененную в замке мрачного и злобного демона или джинна.

Легкий стан ее полностью соответствовал всем канонам женской красоты и носил на себе отпечаток той легкой, волшебной грации, которую скульптор, изображая неземные существа, стремится воспроизвести в статуях. Ее волосы, длинные и густые, были почти черного цвета, но легкий золотистый оттенок скрашивал эту черноту, обычную у азиатов, а бледноватый, но равномерно светлый цвет лица мог бы назваться прелестным даже у северных народов. Черты этого лица, имеющего форму слегка вытянутого овала, составляли меж собой редкую гармонию, а за полными, румяными губами открывались зубы ослепительной белизны, затмевающей даже белизну жемчуга. Но главная прелесть этого очаровательного лица заключалась в его выражении, которое говорило о мягкости и чистоте сердца, а также о способности к сопереживанию, что редко встретишь у совершенных красавиц, безжалостных и эгоистичных, а особенно – у изнеженных и сладострастных мавританок. В довершение всего Лейла была умна и образованна, то есть прекрасная оболочка оказалась наполнена прекрасным содержанием.

Прошло несколько минут в ужасной тишине. Лейла снова подкралась к окну и открыла его, чтобы оглядеть сад. Вдруг на лугу, озаренном ярким сиянием луны, показалась тень. Вдали, между деревьями, мелькнул высокий и величественный силуэт ее возлюбленного в ту самую минуту, когда после тщетных поисков врага мавр устремил пламенные взоры к окну Лейлы. Ветви и густая зелень скоро опять скрыли его, но Лейла видела достаточно – она возвратилась в комнату, слезы благодарности побежали по ее щекам. Она упала на колени на одну из подушек, разбросанных по полу, и произнесла:

– О Бог отцов моих²¹, благодарю Тебя – он спасен! – Лейла вдруг замолчала, решая мучительный вопрос: – Но имею ли я право молиться за того, кого люблю?.. Я и он поклоняемся не одному и тому же Богу. Мой возлюбленный поклоняется Аллаху, а меня учили презирать эту веру и гнушаться ею! Увы! Чем это кончится? О роковой час, когда мой возлюбленный

²¹ Так евреи называют Бога, что означает «Бог моих предков».

впервые увидел меня в этих садах, перескочил через стену и сказал Лейле, что ее любит герой, чья рука служит щитом Гренаде и чье имя благословляют все жители! О горе мне! Горе!

Несчастливая Лейла закрыла лицо руками и забыла обо всем в своей печали, сотрясаемая беззвучными рыданиями. Прошло некоторое время, никто не нарушил ее безмолвной печали, но вдруг расшитая золотом пурпурная ткань на одной из стен тихо приподнялась, и человек весьма примечательной наружности вошел в комнату. Заметив, что девушка чем-то сильно расстроена, он остановился и устремил на нее взгляд, в котором, казалось, сожаление и нежность боролись с обычной строгостью и суровостью.

– Лейла! – позвал незнакомец.

Лейла вскочила, и яркий румянец вспыхнул на ее щеках. Она торопливо вытирала слезы, продолжавшие литься, и приблизилась, тщетно стараясь улыбнуться.

– Отец, как я рада!

Незнакомец опустил на одну из подушек, разбросанных по полу, и велел дочери сесть рядом.

– Слезы еще свежи на щеках твоих, – произнес он мрачным тоном. – Слезы – общий удел народа нашего. Наши дочери рождены для слез, сыны наши – для стенаний. Пеплом покрылись главы сильных, и потоки слез истекают из очей красоты! О, если б мы только могли сразиться с врагами нашими, если б мы могли дерзнуть, могли поднять главы наши, соединиться и восстать против оков, наложенных на нас нечестивцами магометанами! Увы! Этому не бывать. Но один человек отомстит за целый народ!

Потемневшее лицо отца Лейлы, хорошо приспособленное для выражения сильных чувств, приняло страшный вид. Гнев и ярость отобразились во всех чертах. Лоб нахмурился, рот судорожно сжался, но этот припадок был непродолжителен, и Лейла, пораженная такой бурей страстей, едва успела испугаться, а лицо отца уже снова выражало спокойную суровость.

– Но оставим эти рассуждения, – сказал он. – Не юности и не женщинам суждено заниматься подобными делами. Лейла, тебя воспитывали с нежностью, учили старательно. Может быть, я казался тебе строгим и суровым, но я охотно пролил бы последние капли своей крови, чтоб защитить твою юность от малейшей грусти и печали. Выслушай меня внимательно. Чтобы ты однажды сделалась достойной твоего народа и чтобы часы твоей жизни не протекали в праздности и тягостном безделье, тебе даны знания, которые обычно девушкам не преподают. Не суждено тебе предаваться сладострастным забавам мавританок, не суждено тебе знать их блудные песни, их мерзостную пляску. Нет, твои нежные руки приучены только к положению, которое природа предназначила для поклонения Творцу вселенной. Твой голос знает только песнопения потерянного отечества твоего, хранящие память о наших бедствиях, украшенные именами наших героев и священной торжественностью наших молитв. Книги и поучения мудрецов наших сообщили тебе самое важное из наших знаний и из истории нашей, что может возвысить твою душу, что может наполнить твое сердце сочувствием к святому делу. Понимаешь ли ты меня, Лейла?

Девушка, пораженная и удивленная, потому что она никогда не слышала от отца своего ничего подобного, кивнула с таким серьезным видом, которым, казалось, он был доволен. И незнакомец продолжал изменившимся, глухим и торжественным голосом:

– Проклинай же угнетателей! Дочь великого еврейского народа, встань и кляни мавританского гонителя!

Сказав это, отец Лейлы встал, поднял правую руку, а левую положил на плечо девушки. Но она в ужасном, безмолвном замешательстве устремила взоры на его лицо, а затем упала к ногам отца и, сжимая его колени, произнесла умоляющим голосом едва различимые слова:

– Пощади меня! Пощади!

Еврей – ибо незнакомец был не кто иной, как представитель этого народа, – бросил на лежавшую у ног его девушку взгляд, исполненный ярости и презрения. Рука еврея схватилась

за кинжал, он уже до половины обнажил его, но с проклятием опять вложил в ножны. Наконец, после некоторого размышления, этот человек снова извлек из ножен оружие и бросил на пол возле девушки.

– Блудная дочь! – произнес он голосом, которому тщетно хотел придать выражение спокойствия. – Если ты допустила в твое сердце хоть одну недостойную мысль о мавританском язычнике, то возьми этот нож и вырви, вырежи ее с корнем. Ты избавишь меня от труда, недостойного моей руки.

Еврей поспешно высвободился из умоляющих объятий и оставил несчастную девушку одну и в глубоком беспамятстве.

Глава V

Честолюбие и преступление

Выйдя из комнаты Лейлы и спускаясь по широкой лестнице, еврей встретил старика в просторной шелковой одежде, отороченной мехом. На лице этого дряхлого человека, уже увядшем и покрытом глубокими морщинами, жизнь, по-видимому, едва боролась с приближающейся смертью – так бледно, худо и мертвенно было оно.

– Химен, – произнес еврей, – мой верный и любимый слуга, следуй за мной в подземелье.

Израильтянин не стал ждать ответа, а быстрыми шагами продолжал путь через разные дворы и переходы, пока наконец не очутился в узком, мрачном и сыром проходе, по-видимому, высеченном в природной скале.

Крепкая и тяжелая дверь, преграждавшая вход, которую общими усилиями ста человек не удалось бы сдвинуть с места, отворилась, как только еврей слегка коснулся тайной пружины. Он взял медную лампу, горевшую рядом в нише, и с видимым нетерпением дождал отставшего старика, после чего запер дверь и шел довольно долго извилистым тоннелем, пока не остановился у одного места скалы, с виду ничем не отличавшегося от остальной части.

Новая дверь, которую еврей теперь открывал, была так искусно сделана и скрыта в толще камня, но в то же время так быстро повиновалась движению руки, что казалось, словно в самом деле скала сдвинулась силой волшебства. За дверью показалась круглая пещера, освещенная медными лампами. Стены были увешаны тонкими шкурами, и такие же шкуры устилали пол, а сверху валялись подушки из того же материала. На каменных колоннах, грубо вырубленных из цельной скалы, висело древнее, заржавленное оружие разнообразной формы. В больших железных футлярах лежали закрытые рукописи. Множество странных и неведомых инструментов и машин (в которых новейшая наука, возможно, узнала бы оборудование для химических опытов) придавало этому глухому уголку какой-то волшебный и таинственный вид.

Еврей порывисто улегся на кожаной софе, а за ним вошел старик и запер дверь.

– Химен, – вскричал еврей, – налей мне вина! Оно услаждает душу и подкрепляет тело, а я нуждаюсь и в том и в другом.

Химен, подойдя к одной из ниш подземелья, вынул оттуда бутылку и кубок. Старик налил до краев в чашу напиток из винограда плодоносной долины, окружавшей Гренаду, и подал своему господину. Напиток этот, по-видимому, оказал оживляющее и укрепляющее действие.

– Старик, – сказал еврей, с глубоким и тяжелым вздохом осушив свой кубок, – наливай и себе. Пей, пока кровь в твоих жилах не помолодеет. Клянусь святым храмом²², я желал бы, чтоб пламя и огонь вливались в грудь вместе с этим питьем!

Химен повиновался, но не совсем: он только пригубил вино и опять поставил чашу на место.

– Химен, – продолжал еврей, – сколько братьев наших замучено алчными царями мавританскими с тех пор, как ты впервые поселился в этом городе?

Он сам знал ответ на свой вопрос, но стремился распалить в себе гнев, слушая о злодеяниях ненавистных ему мавров из чужих уст.

²² Святой храм – Иерусалимский храм. Единственное место, где иудеи, согласно своей вере, могли совершать жертвоприношение Богу. В 70 году н. э. оказался разрушен в результате боев за Иерусалим во время восстания евреев против римлян. От храма осталось немного: часть западной ограды, известной как Стена Плача, и фрагмент восточной стены с Золотыми воротами.

– Три тысячи. Это число стало таким прошлой зимой по велению визиря Юсуфа. Имущество этих несчастных, все их сокровища обращены в оружие. Этими деньгами оплачены мечи и стрелы, направленные против псов галилейских²³.

– Три тысячи и не более? Только три тысячи? Я желал бы, чтоб это число удвоилось. Ведь час мести уже наступил, и враги заплатят сверх меры за каждого!

– И за брата, и за сына, и за внука моего в том числе, – произнес старик, и лицо его еще больше помертвело.

– Мы воздвигнем им достойные памятники! По крайней мере, уже никто не скажет, что евреи скупы на мщение.

– Но прости меня, благородный вождь угнетенного народа: неужели ты думаешь, что надменные и наглые назареи будут менее безбожных аравитян грабить нас и помыкать нами?

– Да будут прокляты и те и другие! – ответил еврей. – Однако первые обнадеживали нас своими обещаниями. Я же говорил тебе, что видел Фердинанда и его гордую королеву. Они уверяли меня, что предоставят нам такие права и преимущества, каких мы еще не знали в Европе.

– И они не коснутся нашей торговли, наших барышей? Не тронут нашего золота?

– Стыдись! – в ярости вскричал еврей, вскочив с софы и топая ногами. – Я вверг бы в преисподнюю золото всего мира! Эта жадность к золоту, эта ничтожная, низменная, проклятая страсть исказила души и сердца всего народа нашего и отнимает у него облик человеческий! Как часто видел я величественные лица потомков древних героев наших – лица, носящие на себе отпечаток восточного благородства, подобающие царям и вождям. Однако эти лица искажены и обезображены морщинами от множества ничтожных забот! Я видел могучую фигуру, согбенную, подобно телу пресмыкающегося червя, перед каким-нибудь ничтожным торгашом. Я слышал голос, способный отдавать зычные приказы, повелевать войсками, но произносящий раблепные слова, выражающие низменный страх или еще более низменную надежду. Как часто я вопрошал себя тогда: точно ли в моих жилах струится кровь народа Израиля? И я воссылал благодарственные молитвы великому Иегове, избавившему меня, по крайней мере, от того проклятия, которое обесчестило моих братьев и обратило их в алчных барышников и подлых рабов!

Химен благоразумно удержался от ответа на порывистые высказывания, с которыми не был согласен и которых не понимал. А после непродолжительного молчания, старик вернул беседу в прежнее русло:

– Итак, чтобы отмстить маврам, ты решаешься поверить обманчивым обещаниям хитрых назареев?

– О, кровь человеческая достигла до небес и скопилась в грозные облака, висящие над этим преступным и обреченным городом! Но теперь, Химен, у меня есть еще одна причина, заставляющая меня ненавидеть мавров: тот цветок, который я лелеял и берег, – хищник хотел оторвать его от моего сердца. Лейла – ты плохо стерег ее, Химен. И если б мы с тобой не были связаны общим умыслом против врагов наших, то клянусь: лучи восходящего солнца осветили бы твой труп в волнах Дарро!

– Могущественный господин! – отвечал Химен. – Если ты, мудрейший из всего народа нашего, пронзительный и провидящий, не в состоянии уберечь от любовного пламени сердце девушки, то можешь ли ты вменять это в вину мне, бедному старику с подслеповатым взором и притупившимся чутьем?

Еврей не отвечал и, по-видимому, не слышал этого возражения. Он, казалось, был слишком занят собственными мыслями, и, рассуждая сам с собой, произнес:

²³ То есть против христианской армии, осаждающей Гранаду.

– Это необходимо. Жертва велика, опасность огромна, но здесь она еще ближе. Химен, – продолжал он громким голосом, – уверен ли ты, что даже единоплеменники и единоверцы мои не знают, что я – один из них? Если бы кто-то мог раскрыть мое презируемое происхождение или мою истинную веру, то мавры тотчас растерзали бы меня как обманщика; и все искусство каббалы²⁴ не спасло бы меня от неминуемой смерти.

– Не сомневайся, великий учитель: твоя тайна не известна никому в Гренаде, кроме твоего верного Химена.

– Тогда я могу мечтать и надеяться на успех. Теперь к делу: эту ночь я должен провести в трудах.

Еврей, снова усевшись на софу, придвинул к себе низкий столик с некоторыми из тех странных инструментов, упомянутых нами, а также окружил себя различными книгами. Старик лежал на шкуре рядом, почти у ног своего господина, готовый повиноваться его малейшему знаку, но выглядел застывшим, как окоченелый труп: так бледен был померкший цвет его лица и так неподвижно оставалось его дряхлое тело. Все это выглядело, как будто волшебник занят своим ремеслом, а рядом – мертвец, вызванный таинственной магией из недр могилы для исполнения его велений.

* * *

Из предыдущей беседы читатель легко может понять, что еврей, в котором он верно распознал Альмамена, только что возвратившегося из Альгамбры, обладал чертами характера, не свойственными его племени. Ведя свой род от древних евреев тех времен, когда Израиль был могущественным, и обладая несметным богатством, перед которым меркнут все сокровища готских королей, этот примечательный человек провел свою юность, занимаясь не торговлей, столь привычной его народу, а в путешествиях и самообразовании.

Он был уроженцем Гренады. В детстве стал свидетелем смерти своего отца, замученного покойным эмиром Муллою Абуль-Хасаном²⁵ не за преступления, а только из-за огромного богатства, которое мавры хотели прибрать к рукам. Мальчик видел, как убийцы вскрыли тело и искали в нем драгоценные камни, якобы проглоченные покойным, – видел и, еще будучи ребенком, дал клятву отомстить. Дальний родственник увез его в страну, где не было таких яростных гонений, а искусство, с которым евреи умеют скрывать свое богатство, разделяя его по разным городам, сберегло Альмамену сокровища, не доставшиеся гренадскому тирану.

Альмамен объездил наибольшую часть известных в то время стран и провел несколько лет при дворе египетского султана, в той древней стране, которая все еще славилась своими сокровенными знаниями, в том числе в области магии. Он не напрасно посвятил себя тем опытам и сложным исследованиям: познал многие из тех тайн, которые теперь, быть может, навсегда потеряны для света. Мы не хотим этим сказать, что Альмамен достиг того, что суеверные люди и сказочники называют волшебством. Нет, он не мог повелевать стихиями, не мог проникнуть через завесу, скрывающую будущее; не мог уничтожать целые армии магией или волшебного посоха или перелетать с одного места на другое с помощью заклинаний. Но люди, посвятившие многие годы своей жизни поиску и изучению того, что призвано удивить и утратить простолюдина, могли узнать некоторые тайны, которые более развитая наука новейших времен тщетно хотела бы объяснить или воскресить. И часто эти явления и секреты, случайно открытые вследствие какого-нибудь химического опыта, были непонятны для тех,

²⁴ Каббала – тайное знание, зашифрованное в Торе, то есть в священной книге иудеев. Здесь: оккультная наука, искусство колдовства.

²⁵ Абуль-Хасан Али ибн Сад, известный как Мулла Хасан, – правитель Гранадского эмирата в 1464–1482 и 1483–1485 годах. Отец эмира Боабдила.

кто их открыл. Вот почему эти исследователи не могли осознать свое открытие и, очарованные могуществом собственного обмана, считали себя повелителями природы, между тем как они были только ее учениками, блуждающими во тьме невежества и ошибающимися.

Одним из таких людей был владелец этого подземелья. Он знал, что обманывал других, но в некотором роде обманывался и сам, частью из-за недостатка научных знаний, частью из-за пылкости своего воображения, слишком разгоряченного и восторженного. Его неограниченное тщеславие затуманило его разум. И если верны исторические свидетельства, что у древних царей, ослепленных собственным могуществом, бывали минуты, когда они считали себя выше обыкновенных людей, то тем более вероятно, что мудрецы, возвысившиеся благодаря своим знаниям даже над царями, могли думать так же. Они могли подвергнуться легкому или, лучше сказать, возвышенному заблуждению, воображая, что действительно обладают тем удивительным могуществом, которым доверчивая толпа объясняет себе их знания и дарования.

Благодаря еврейскому происхождению, не позволяющему претендовать на власть и питать честолюбивые мечты, могучий разум Альмамена был направлен в русло познания и обучения, однако в той тихой и отвлеченной деятельности, которой этот человек посвятил себя, не нашлось места бурным страстям, свойственным ему. Окруженный мудрецами и книгами, он жаждал деятельности и славы, но запреты на многие профессии и занятия для евреев, установленные во всех странах, преграждали ему путь, а все из-за религии, которую он исповедовал. Сила его природных дарований бурлила, создавая масштабные, но оторванные от действительности планы, которые рушились один за другим и оставляли после себя чувство мрачной ненависти, а также жажду ужасной мести.

Вероятно, если бы его религия пользовалась уважением и влиянием, подобно христианству или мусульманству, он сделался бы скептиком, сомневающимся в существовании Бога, но гонения и бедствия сделали этого человека фанатиком. Однако же Альмамен, подобно древним евреям, представлял мессию²⁶ как царя и завоевателя, воплощающего все надежды угнетенных иудеев на могущество и победы земные. Вот почему Альмамен более стремился возвысить свою веру, нежели повиноваться ей. Он плохо соблюдал ее обряды, мало размышлял о ее догматах, но день и ночь обдумывал и изыскивал способы для ее возвышения и торжества.

В то время испанские мавры преследовали евреев гораздо больше, нежели христиане. В приморских городах Испании еврейские торговцы наладили коммерческие связи с христианами, выгодные и для частных лиц и для государства, а это способствовало проявлению не только веротерпимости, но и чего-то похожего на дружеское расположение, когда продавцы и покупатели встречались на рыночной площади. Мрачный фанатизм, впоследствии помрачивший славу короля Фердинанда и выразившийся в ужасах инквизиции, проявлялся лишь изредка. Мавры же, напротив, преследовали евреев с неумолимой жестокостью и свирепостью. В тот период, когда эмиром был суровый отец Боабдила – этот «правитель с сердцем тигра», – евреи в Гренаде в буквальном смысле слова не считались за людей. И даже в правление кроткого и мечтательного Боабдила мавры грабили евреев немилосердно. Пытка и неминуемая смерть ожидала каждого израильтянина, подозреваемого в сокрытии богатств. Государство постоянно нуждалось в деньгах, поэтому не переставало обвинять евреев в излишней зажиточности – этом неизбывном грехе.

В это время жестоких гонений Альмамен внезапно вернулся в Гренаду, покинутую им вскоре после ужасной гибели отца. Альмамен увидел, что бедствия соплеменников не прекратились, а только умножились, поэтому вспомнил свою клятву и повторил ее. Родственники его давно умерли. Он сменил имя и всегда считал полезным скрывать свою веру, поэтому никто не мог узнать в возмужалом Альмамене малолетнего сына еврея Исашара. Напротив, новопривез-

²⁶ Мессия – согласно иудаизму, будущий лидер, который восстановит государство Израиль в прежнем блеске и могуществе, а также установит на земле всеобщий мир и благоденствие.

жий был известен во всех африканских государствах как мудрый дервиш²⁷ и знаменитый волшебник.

Эта слава скоро возвысила его при дворе гренадского эмира. Сделавшись одним из приближенных советников Муллы Хасана, Альмамен вместе с Боабдилем и матерью Боабдила участвовал в заговоре против старого правителя. Так совершилась месть жестокому эмиру, а заодно мститель смог внушить доверие своей следующей жертве – самому Боабдилю. С сердцем, закаленным против всякого дружеского чувства или любви к людям иной веры, Альмамен видел в этом доверчивом юноше только готовую добычу.

Хитрый как змея, Альмамен не задумывался о том, что увяз в трясине коварства и предательства, к которым он прибегал, стремясь завлечь свою жертву. Природа одарила его умом и упорством в достижении цели. Обстоятельства жизни смирили его и научили ползать во прахе. И он сделался пресмыкающимся, которое пользуется и ядом, и ядовитыми клыками своими.

²⁷ Дервиш – в исламе: странствующий монах.

Глава VI

Лев в сетях

В следующую ночь, незадолго до рассвета, правитель Гренады внезапно потребовал к себе визиря Юсуфа. Престарелый сановник застал Боабдила в необыкновенном расстройстве и раздражении, но посчитал своего государя почти безумцем, когда получил от него повеление арестовать Мусу ибн Абиль Гассана и отвести его в самую надежную из темниц Алых башен. Полагаясь на природную мягкость характера Боабдила, визирь осмелился сделать возражение: он находил опасным применение насилия к военачальнику, весьма почитаемому в войске и в народе, и сказал, что нужно будет чем-то объяснить для всех такой жестокий приказ.

Вены выступили на лбу Боабдила, как только послышались возражения, а ответ эмира был краток и решителен:

– Разве я уже перестал быть правителем, если должен страшиться подданного или оправдывать свои желания? Ты получил мое повеление. Вот подпись и фирман²⁸: повинуйся или ожидай смерти!

Никогда не был Боабдиль так похож на своего свирепого отца ни голосом, ни видом. Дрожь пробежала по всему телу визиря, и он молча удалился.

Едва тот успел скрыться в дверях, как Боабдиль в сильном волнении, сжимая кулаки, вскричал:

– О уста покойного! Вы предостерегли меня, и вам я приношу в жертву товарища моей юности.

Меж тем визирь, выйдя из покоев Боабдила, взял с собой нескольких иноземных невольников из числа охраны сералья²⁹, не знающих ни сожаления, ни сочувствия к страстям человеческим. В печальном недоумении и растерянности Юсуф отправился с ними ко дворцу принца Мусы, однако не осмелился войти в такой час, когда появление вооруженных людей могло произвести шум и тревогу по соседству. Визирь решился дожидаться рассвета, когда обитатели дворца проснутся.

Вот почему Юсуф, проклиная свою несчастливую звезду и все еще удивляясь полученному повелению, укрылся вместе со своими безмолвными и мрачными спутниками в небольшой роще, смежной с дворцом, а отправился к Мусе уже тогда, когда первые лучи дня осветили пробудившийся город.

Визирь застал знаменитого военачальника в одной из зал, разговаривавшего с предводителями рода Сегри³⁰ о вылазке, назначенной на этот день.

Юсуф подошел к принцу, так явно показывая страх и нежелание исполнять свою миссию, что тотчас же вызвал этим подозрение в горячих сердцах прозорливых Сегри. И когда Муса, исполняя просьбу визиря, желавшего переговорить наедине, велел всем прочим удалиться, то нахмуренные брови и сверкающие взоры ясно выдавали чувства мавританских воинов, оставивших своего любимца в зале с сановником своего государя.

– Клянусь гробом Пророка, – сказал один из воинов, выходя из залы, – трусливый Боабдиль подозревает в чем-то нашего Ибн Абиль Гассана³¹. Я прежде слышал об этом.

– погоди, – прервал его другой, – посмотрим, что будет. Но если по воле нашего государя хоть один волос упадет с головы Мусы, то... пусть простит Аллах нашему государю все прегрешения!

²⁸ Фирман – официальная бумага с приказом у мусульманских правителей.

²⁹ Сераль – то же, что гарем.

³⁰ Сегри – мавританский аристократический род, близкий к трону.

³¹ В данном случае воины называют Мусу по отчеству.

Между тем визирь молча показал знаменитому военачальнику фирман и подпись государя. Не осмеливаясь назвать места, куда велено отвести Мусу, Юсуф лишь произнес:

– Прошу принца немедленно следовать за мной.

Муса побледнел, но не от страха.

– Увы! – произнес он голосом, исполненным глубокой скорби. – Возможно ли, чтобы я оказался под подозрением или в немилости моего державного родственника? Но как бы то ни было, я с гордостью показывал Гренаде пример мужества, защищая город, а теперь должен показать пример повиновения государю Гренады. Ступай – я последую за тобой... Однако постой, тебе не нужны те люди. Удалимся лучше через потайной выход, чтобы не поселить подозрения в Сегри, тем более что я ухожу с тобой в то самое время, когда войско уже собралось на площади Виваррамбла и ожидает только моего прибытия. Пойдем этой дорогой.

С этими словами Муса, строго соблюдая все, что восточные законы предписывают подданному в отношении государя, вышел через небольшую дверь в сад.

В безмолвии и глубокой задумчивости отправился принц вместе с визирем к Альгамбре. Проходя через ту рощу, в которой он две ночи назад встретился с Альмаменом, мавр нечаянно приподнял голову и увидел волшебника, только что показавшегося из-за деревьев и устремившего на него мрачный взгляд. Муса заметил в этих глазах какую-то неприязненную и злобную радость, но Альмамен, чтобы скрыть ее, почтительно поклонился и продолжал свой путь. Принц не стал оглядываться, но если бы оглянулся вслед Альмамену, то наверняка увидел бы эти злобные взгляды еще раз.

«Надменный язычник! – мысленно негодовал Альмамен. – Твой отец наполнил свои сокровищницы золотом замученных евреев. Ты слишком горд, чтоб быть жадным до чужого золота, но и ты такой же изувер, как он. Твое имя проклято народом Израиля. Однако ж ты возгорелся похотью к дочери презренного народа нашего, и если неудовлетворенная страсть может уязвить тебя, то я уже отомщен. Ступай! Шагай своей гордой поступью, надменно держи голову, но в конце пути тебя ожидают цепи, а может быть, и смерть!»

Белая одежда Мусы давно уже скрылась за деревьями, а Альмамен все еще продолжал изливать свою злобу. Наконец он остановился на минуту, а затем вдруг обернулся и произнес почти в полный голос:

– Не одному человеку, а целому народу поклялся я отомстить! Теперь пора к назареям.

Книга вторая

Глава I

Испанский король, доминиканец и тайные посетители

Теперь повествование ведет нас в лагерь христианского войска, в тот шатер, где испанский король устроил ночное совещание с некоторыми из своих приближенных военачальников и сановников. Фердинанд выступил на поле боя со всей пышностью и всеми атрибутами, более свойственными рыцарскому турниру, нежели воинскому походу, так что шатер его в свете факелов пылал пурпуром и золотом.

Король сидел у стола, заваленного планами и разными бумагами. Лицом и всей наружностью этот великий монарх и тонкий политик вполне соответствовал тому блестящему рыцарству, которое окружало его. Его черные волосы, обильно надушенные и умащенные, обрамляли длинными блестящими локонами его лоб, высокий, но уже не вполне гладкий, однако на этой спокойной поверхности физиономист, глядя на едва заметные морщины, тщетно пытался бы прочесть сокровенные и непостижимые мысли короля.

Черты лица Фердинанда отличались правильностью и величавостью. Фигуру его, крепкую и мужественную, покрывала мантия, застегнутая пряжкой лишь с одним драгоценным камнем, редкой красоты и необыкновенного блеска. На груди виднелся серебряный крест.

Спокойное величие и привычка отдавать приказы придавали ему тот важный вид, который многие из присутствовавших героев обретали благодаря высокому росту и богатырскому телосложению. Король не отличался особенной мощью, однако своим поведением сразу выделялся среди всего собрания.

По правую руку от Фердинанда сидел принц Хуан, его сын, бывший тогда в расцвете юности. По левую – знаменитый Родриго Понсе де Леон, герцог Кадисский³².

Далее, по порядку их воинского сана, были видны: блистательный герцог Медина-Сидония³³, одинаково благородный и видом и происхождением; престарелый и глубокомысленный маркиз де Вильена, заслуживший прозвище Байярд Испанский³⁴; мрачный Алонсо де Агилар³⁵ и, наконец, великан с живым выразительным лицом и сверкающими глазами, пылкий Фернандо дель Пульгар³⁶, которого называли «рыцарь военных побед».

– Вы видите, господа, – сказал король, продолжая речь, которую военачальники слушали с почтительным вниманием, – что мы скорее можем надеяться покорить город, посеяв раздоры между маврами, нежели силой нашего оружия. Стены Гренады тверды, а население еще многочисленно. И, надо признать, Муса ибн Абиль Гассан так искусно управляет всеми действиями нехристей и поддерживает в войске такую строгую дисциплину, что наша осада города грозит сильно затянуться. Не рискуя вступить с нами в решающее сражение, мавританская конница изводит нас беспрерывными нападениями на лагерь, а в узких горных ущельях наши отряды не

³² Родриго Понсе де Леон (1443–1492) – испанский аристократ, один из главных полководцев Гранадской войны.

³³ Энрике Перес де Гусман и Фонсека (1430–1492) – испанский аристократ, носил титул герцога Медина-Сидония. Один из самых знатных людей в Испании.

³⁴ Диего Лопес Пачеко и Портокарреро (ок. 1447–1529) – испанский аристократ, носил титул маркиза де Вильена. Прославился как «рыцарь без страха и упрека», и так же называли известного в то время французского полководца Пьера Террайля де Байярда.

³⁵ Алонсо де Агилар (1447–1501) – испанский аристократ, отличавшийся большой храбростью, но не отличавшийся везением.

³⁶ Фернандо дель Пульгар (до 1430 – после 1492) – испанский аристократ, дипломат, историк и писатель. О событиях Гранадской войны известно в том числе по его трудам.

могут бороться с их легкой кавалерией и предательскими засадами. Конечно, продолжительная осада должна наконец принудить мавров к сдаче города. Необходимо только совершенно опустошить окрестности и отрезать сообщение с приморскими городами, через которые могли бы прибыть подкрепления. Но увы! Враги наши многочисленны, и не перед одной Гренадой должно развеяться знамя Испании. В таком положении даже лев не брезгует услужливостью лисицы, и хорошо же именно теперь, господа, у нас есть в Гренаде союзник, который действует заодно с нами. Я располагаю подробными сведениями обо всем, что делается в Альгамбре: правитель нехристей все еще не предпринимает никаких решительных шагов и даже не выходит из своего дворца. Я надеюсь, что интрига, которая поселит в сердце правителя подозрение в отношении главнокомандующего Мусы, должна кончиться либо смертью этого искусного военачальника, либо беспорядками народного мятежа и междоусобной войны. Измена внутри города отворит нам ворота Гренады.

– Ваше величество, – сказал после паузы Понсе де Леон, – при вашем мудром руководстве я так же твердо уверен, что увижу наше священное знамя на Алых башнях Альгамбры, как уверен, что солнце взойдет над теми холмами. Как бы мы ни победили, хитростью или силою оружия, но мы победим. Однако мой долг напомнить вашему величеству, что мы должны действовать с большой осторожностью, дабы не впасть в эйфорию от изобретательности неприятеля и не надеяться на мнимые заговоры, выдуманные, может быть, только для того, чтобы притупить наши мечи и заставить нас бездействовать.

– Превосходно сказано, мудрый де Леон! – с жаром воскликнул Фернандо дель Пульгар. – Мне кажется, что меч – лучшее оружие против этих нехристей, которым помогает сам дьявол. Как справедлива наша старинная кастильская пословица: «Усердней проклинай, смелей их поражай!»

Король слегка улыбнулся, видя пылкость любимца всего войска, но устремил взгляд на присутствовавших в ожидании более обдуманного совета.

– Ваше величество, – сказал Вильена, – нам не следует спрашивать вас о том, кто подает вам надежду на раздоры между маврами. Однако, с полной уверенностью полагаясь на вашу мудрость, которая никогда не может обмануться, мы все-таки не должны ослаблять натиск нашей армии. Необходимо сражаться и тогда, когда мы прибегаем к интриге, и стараться покорить город силой оружия, не пренебрегая и средствами хитрости.

– Вы правильно говорите, рыцарь, – произнес Фердинанд в глубоком раздумье, – и вы сами поведете завтра сильный отряд для опустошения окрестностей Гренады. Приходите ко мне через два часа. Теперь же совещание окончено.

Рыцари встали и удалились, не забыв степенно и величаво выказать все знаки уважения и соблюсти все церемонии, которые Фердинанд ввел при своем дворе и требовал их неукоснительного соблюдения.

Лишь юный принц остался.

– Сын мой, – сказал Фердинанд, оставшись с ним наедине, – с ранних лет и задолго до восшествия на трон должны инфанты³⁷ испанские изучать науку управления государством. Эти рыцари – самые яркие из драгоценных камней нашей короны: но их блеск должен служить лишь для ее украшения и еще большего сияния. Ты видишь, как горячи, горды и воинственны испанские военачальники – превосходные качества, если они направлены против наших врагов. Но если бы у нас не было врагов, то эти качества могли бы принести нам много беспокойства. Клянусь святым Яго³⁸, я основал могущественную державу!.. Но заметь, Хуан, как я ее поддержал: наукой! Наукой! А наука столь же мало похожа на дикую силу, как этот меч на рычаг. Ты, кажется, озадачен и удивлен, сын мой, поскольку слышал, что я стараюсь покорить

³⁷ Инфант – титул принца в Испании.

³⁸ Святой Яго – святой Иаков, один из 12 апостолов и один из самых почитаемых святых в Испании.

Гренаду, сея раздоры между маврами. Когда она будет покорена, помни, что рыцари и дворянство – такая же Гренада. Славься, Дева Мария! Благословенна ты, Пресвятая Богоматерь, бдящая над сердцами королей!

Фердинанд перекрестился с набожным усердием, а затем встал, отдернул один из занавесов шатра и громко позвал:

– Перес!

Явился угрюмый испанец средних лет.

– Перес, – спросил король, усевшись на прежнее место за столом, – явился ли тот человек, которого мы ожидали из Гренады?

– Явился, ваше величество, и с ним девушка.

– Он сдержал свое слово. Веди их сюда, – сказал король и вдруг добавил, увидев кого-то: – А! Святой отец, твои посещения всегда проливают бальзам утешения на мое сердце.

– Да хранит тебя Господь, сын мой! – ответил человек в одежде доминиканского монаха³⁹. Этот посетитель неожиданно, без доклада, вошел с другой стороны палатки и с мрачной неподвижностью сел на некотором расстоянии от короля.

На несколько минут воцарилось глубокое безмолвие, и Перес не выходил из шатра, как будто в сомнении, не означает ли присутствие монаха, что королевский приказ отменяется или, по крайней мере, что исполнение надо отложить. Даже на спокойном челе Фердинанда показалась легкая тень замешательства и нерешительности, но монах прервал это молчание и произнес:

– Надеюсь, сын мой, что мое присутствие не помешает вашей беседе с нехристом, раз вы полагаете, что политическая необходимость требует от вас видеться с сынами Велиара⁴⁰?

– О, конечно, конечно, не помешает, – тут же ответил король, а мысленно спросил себя: «Каким удивительным образом этот святой человек умудряется проникнуть во все дела и планы наши?»

Затем он громко приказал:

– Ввести человека, присланного к нам из Гренады!

Перес поклонился и вышел.

Во все это время юный принц молча сидел, откинувшись на спинку своего кресла и пребывая в апатии. В его тонких и нежных чертах выражались усталость и скука, столь мало соответствовавшие тем важным занятиям, к которым мудрый родитель хотел приучить его своими уроками. В самом деле, юный Хуан всей душой, всем сердцем предавался удовольствиям и забавам, которых требовал его возраст: воинский лагерь казался ему праздничной ярмаркой, воинский поход – веселым представлением. Двор был для него местом пира; трон – лучшим зрительским креслом.

Глаза монаха, маленькие, серого цвета, бросили мрачный и пронзительный взгляд на обоих августейших собеседников, а затем со смиренным видом уставились в пол, изучая рисунок богатых ковров, разостланных в шатре. Монах вновь поднял глаза только тогда, когда Перес вернулся и привел с собой израильянина Альмамена и девушку, с головы до ног закутанную длинным покрывалом, которое все же не могло скрыть ни прелестных очертаний девичьей фигуры, ни того, что она дрожала от страха.

– Когда я в последний раз видел твой светлый лик, великий государь, – произнес Альмамен, – ты хотел увериться в верности и искренности твоего слуги. Ты хотел получить надежный залог и отверг переговоры со мной, если я не доставлю тебе заложника. И вот я передаю под твое царственное покровительство эту девушку – единственную дочь моего дома. Я вру-

³⁹ В белой рясе и черном плаще.

⁴⁰ Велиар – одно из имен падшего ангела Люцифера, то есть сатаны.

чаю ее как залог моей верности и вверяю тебе жизнь, которая для меня драгоценнее моей собственной.

– Ты сдержал слово, незнакомец, – сказал король тем тихим и мелодичным голосом, которым так искусно умел прикрывать хитрость своих далекоидущих замыслов и непреклонную волю. – Девушка, порученная нашему попечению, будет помещена вместе с придворными дамами моей августейшей супруги.

– Государь! – произнес Альмамен растроганно, но с крайне серьезной интонацией. – Теперь в твоих руках жизнь и смерть существа, которое, после моих соотечественников, наиболее дорого сердцу моему. Теперь ты властен над той, с которой связаны все мои земные надежды, все мое счастье. Однако я вручаю тебе этот священный залог между мной и тобой без страха и опасения. Тебе доставил я заложницу: от тебя же получил только обещание.

– Но это обещание короля – христианина и рыцаря, – произнес Фердинанд скорее мягко, чем высокомерно. – Что может быть для монарха более священным, чем данное им слово? Но оставим это. Расскажи, что делается в осажденном городе.

– Пусть сначала девушка удалится. Тогда я буду отвечать вашему величеству, – возразил Альмамен.

Принц вскочил с места.

– Не прикажете ли проводить девушку к моей августейшей матери? – тихо произнес он, обратясь к Фердинанду.

Король улыбнулся.

– Святому отцу было бы приличнее сделать это, – отвечал он так же тихо, однако доминиканец не тронулся с места, хоть и слышал намек. Вот почему Фердинанд, бросив мимолетный взгляд на монаха, отвернулся и сказал: – Хорошо, Хуан. Перес проводит вас к королеве, но сразу же после этого возвратись – здесь необходимо твое присутствие. – Король строго посмотрел на принца, давая понять, что «сразу же» следует понимать буквально.

Между тем еврей, уже не замечавший того, что происходило вокруг, говорил с девушкой на своем языке, старался успокоить и утешить ее, но, по-видимому, не достиг в этом большого успеха, потому что и сам тяжело дышал от волнения. Бедняжка, прижавшись к груди еврея и крепко обняв его, в исступлении кричала на том же языке:

– О родитель мой! В чем я перед тобой провинилась? Зачем ты отвергаешь меня? Зачем отдаешь чужим людям? О, пожалей меня, пощади!

– Дитя мое! – возразил еврей торжественным, но мягким тоном. – Наша с тобой разлука принесет пользу всему народу нашему, и я должен принести тебя в жертву на жертвеннике веры нашей. Но успокойся и утешься, Лейла! Как ангел Господень запретил нашему предку Аврааму принести в жертву своего юного сына Исаака, так и юность твоя будет пощажена. И твои лета умножатся для славы поколений грядущих... Король испанский! – вдруг произнес еврей на испанском языке внезапно и порывисто. – Ты сам – отец, поэтому прости слабость сердца моего и сократи горесть расставания.

Принц Хуан приблизился и с почтительной любезностью хотел взять руку девушки.

– Как?! Он?! – вскричал Альмамен, и лицо его помрачилось. – О государь! Принц еще достаточно молод.

– Честь не знает различия в годах, – отвечал король. – Ступай же, Перес, проводи девушку и принца в шатер королевы.

Возраст и угрюмое лицо испанского слуги, по-видимому, успокоили Альмамена. Еврей еще раз прижал Лейлу к своему сердцу и, не приподнимая покрывала, поцеловал ее в лоб, а затем, передав свою дочь Пересу, отошел в самый дальний угол шатра и закрыл лицо руками. Король казался растроганным; доминиканец, напротив, смотрел на все происходившее с мрачным и недовольным видом.

Лейла все еще не выходила из шатра, но, наконец, как будто приободрившись, произнесла отчетливо и громко на испанском языке:

– Отец оставил меня, но Господь – мое прибежище и моя надежда. – Оттолкнув протянутую к ней руку испанского слуги, она продолжала: – Ступай. Я последую за тобой! – С этими словами Лейла твердой и величественной поступью удалилась из палатки.

– Теперь приступим к делу, – произнес король, оставшись наедине с доминиканцем и Альмаменом. – Скажи, оправдываются ли наши надежды?

– Гнев Боабдила уже пробужден, – отвечал Альмамен. – Эмир рассержен на свое войско и на главнокомандующего, поэтому намерен не выходить из своего дворца. А сегодня утром, когда я покинул город, Муса был заключен в одну из темниц Альгамбры.

– Как?! – вскричал король, вскочив с места.

– И это плоды трудов моих, – хладнокровно продолжал еврей. – Эти руки вручат Фердинанду ключи от Гренады.

– И ты получишь достойную награду, – подхватил монарх, – а пока прими этот первый знак нашего благоволения. – Говоря это, он снял с себя золотую цепь, украшенную редкими драгоценными камнями, и протянул руку, чтоб отдать драгоценность еврею.

Однако Альмамен не тронулся с места. Его побагровевшее лицо показало те чувства, которые он с трудом удерживал.

– Не за золото продаю я врагов моих, великий государь, – произнес он с мрачной улыбкой. – Я продаю врагов, чтоб выкупить друзей моих.

– Как грубо! – произнес Фердинанд, обидевшийся из-за отказа. – Но продолжай, говори!

– Что я могу ожидать в награду, если ранее, чем истекут две недели, отдам Гренаду в твои руки?

– Когда мы виделись с тобой в последний раз, ты упоминал о каких-то правах для евреев.

При этих словах доминиканец, выглядевший совершенно спокойным, чуть приподнял опущенный взгляд, перекрестился и снова застыл в смиренной позе.

– Я требую, – отвечал Альмамен, – чтобы ты предоставил израильскому народу право жить в городе, торговать и заниматься ремеслами, установив для евреев одинаковые с христианским населением законы и налоги.

– Как?! Одинаковые законы и налоги? О, с этим могут быть затруднения. А если мы откажем в этом?

– В таком случае наши переговоры окончены. Возвратите мне девушку – вам уже не нужен залог, которого вы требовали. Я отправлюсь обратно в город, и мы больше никогда не встретимся.

Великий Фердинанд, вопреки обычному хладнокровию, свойственному тонкому политику, не смог умерить своей гордости и высокомерия, свойственных монарху, наследовавшему державу от знаменитых предков и удачливому во всех предприятиях. Он закусил губу, возмущенный повелительным тоном незнакомца, ведущего переговоры как будто на равных.

– Ты позволяешь себе дерзить, друг мой, – сказал король, – поэтому мои слова могут стать не слишком приятными для тебя. Ты теперь в моей власти и без моего дозволения не можешь возвратиться в город.

– Разве король забыл о своем священном обещании? Разве не священное слово короля обеспечило мне свободный проход в этот лагерь и обратно? Если нарушишь свое обещание, то мавры не покорятся тебе, пока воды Дарро не станут алыми от крови героев Гренады и пока трупы жителей города не покроют долину, подобно листьям деревьев, осенью покрывающим холодную землю.

– Уж не исповедуешь ли ты сам жидовскую веру? – спросил король. – Если нет, то почему так заботаешься о людях, отверженных всем светом?

– Мои предки исповедовали эту веру, великий государь. И хоть я отказался от веры иудеев, но я не отказался принимать участие в их судьбе. Так что же, государь? Ты отвергаешь или принимаешь мои предложения?

– Я принимаю их со следующими условиями: во-первых, ты должен приложить все усилия, чтобы изгнанием или смертью Мусы парализовать деятельность неприятельских войск; во-вторых, я требую, чтобы ранее, чем через две недели, ты предоставил мне вместе с властями Гренады письменный договор о сдаче и ключи от города. Исполни мои требования, и пусть я окажусь единственным из христианских монархов, решившимся на это, но я предоставлю евреям по всей Андалузии одинаковые права с испанскими жителями. А тебя награжу таким титулом, который вполне удовлетворит твое честолюбие.

Альмамен почтительно поклонился. Затем он вынул из-под плаща бумагу и положил ее на стол, за которым сидел король.

– Эта бумага, великий государь, заключает в себе условия нашего договора.

– Как, хитрец?! Ты хочешь, чтобы весь свет видел нашу королевскую подпись на договоре с людьми, подобными тебе? Устное слово короля – его нерушимое обязательство!

Еврей с непоколебимым спокойствием забрал бумагу со стола.

– Дочь мою! – произнес он. – Прикажите, ваше величество, позвать мою дочь. Мы уходим.

«Вот же упрямец, клянусь Богородицею!» – мысленно воскликнул Фердинанд про себя, а затем громко произнес:

– Подай свою бумагу. Я посмотрю ее.

Король наскоро просмотрел текст условий, несколько мгновений размышлял и наконец взял перо, поставил подпись и возвратил договор Альмамену.

Израильтянин с восточной почтительностью трижды поцеловал бумагу и спрятал ее под своим плащом.

Фердинанд смотрел на Альмамена с пристальным вниманием. Король умел разбираться в людях, но характер этого человека удивил и поразил испанского монарха.

– И как же я могу, незнакомец, – важно произнес Фердинанд, – положиться на человека, который одному монарху не доверяет, а другого предаёт?

– О государь! – возразил Альмамен. – Если ты полагаешь, что заключить этот договор меня заставили личные выгоды, то тебе стоит только удовлетворить мое корыстолюбие. И знание природы человеческой подскажет тебе, что ты приобрел верного и покорного раба. Если же, напротив, ты думаешь, что я проявил чувства куда более возвышенные, и если ты заметил, что я в лучшую сторону отличаюсь от предателя, прельстившегося низкими выгодами, то не должен ли ты радоваться, что судьба послала тебе человека, разум и дарования которого могут послужить достижению твоих целей? Если я и обманываю другого, то делаю это потому, что он – мой смертельный враг. И ты, повелевающий войсками, разве ты не прибегаешь к хитрости и не обманываешь врагов своих? А я имею более причин, нежели ты, ненавидеть повелителя мавров и считать его моим врагом. И, обманывая моего врага, неужели я не могу быть полезным моему другу? Если же я, одинокий и чуждый среди мавров, в состоянии повелевать тайнами двора и уничтожать всю пользу от советов, получаемых эмиром от военачальников и сановников, то не значит ли это, что я – тот, из кого мудрый государь всегда может сделать искусного и преданного слугу?

– Ты умеешь хитрить в разговорах, друг мой, – сказал Фердинанд с ласковой улыбкой. – А теперь ступай с миром. Наша нынешняя беседа окончена. Перес!

Слуга явился.

– Ты оставил девушку у королевы?

– Приказание вашего величества исполнено.

– Проводи этого незнакомца. Он отправится из лагеря с той же охраной, с которой прибыл к нам. – Король повернулся к еврею. – Прощай!.. Однако ж погоди. Ты уверен, что Муса ибн Абиль Гассан находится в темнице Альгамбры?

– Уверен.

– Да благословит тебя Богоматерь!

* * *

– Ты слышал наш разговор, отец Томас? – произнес король с каким-то смущением, как только еврей удалился.

– Слышал, сын мой.

– И наверное, кровь в твоих жилах застыла от ужаса?

– Только в тот момент, когда ты, сын мой, подписывал бумагу. Мне в то мгновение показалось, будто я вижу раздвоенное копыто дьявола-искусителя, который предлагает тебе договор о продаже души.

– Полно, отец мой! Искуситель оказался бы поумнее и, наверное, не поверил бы обещанию, которое никакие чернила и никакая бумага не могут сделать выполнимым, если только не будет на то разрешения церкви. Ты понимаешь меня?

– Понимаю, сын мой. Я знаю, что ты отличаешься благочестием и дальновидностью.

– Ты правильно говорил, – продолжал король в раздумье, – что эти ненавистные жида обретают силу посредством своих несметных сокровищ. Они требуют одинаковых прав с христианами – эти дерзкие богохульники!

– Сын мой! – произнес доминиканец торжественным тоном, встав и приблизившись к королю. – Господь, благословивший твой меч и твои мудрые советы, потребует от тебя отчета об использовании той власти, которую даровал тебе. Неужели не должно быть различий между Его учениками и Его врагами, а также между Его последователями и теми, кто распял Его?

– Отец мой! – отвечал король с мрачной улыбкой, положив одну руку на плечо монаха. – Даже если бы церковь безмолвствовала в этом деле, то одна политика уже говорит слишком громко. Жида требуют одинаковых прав с христианами! Но если рабы требуют равенства со своими хозяевами, то в этом всегда кроется измена и правосудие должно немедленно обнажить свой меч. Эти проклятые барышники требуют равенства! О Пресвятая Дева! Да они скоро скупят бы все наши королевства!

Доминиканец пристально посмотрел на короля.

– Я уверен в тебе, сын мой, – сказал он тихим голосом и удалился из шатра.

Глава II

Засада, сражение и плен

Восход разгорался над Гренадой и ее окрестностями, когда Альмамен отдаленной и уединенной тропой возвращался в город. Он уже достиг мрачного и извилистого ущелья, покрытого терновником и мелкими кустами, между которыми кое-где вырисовывалась густая и темная зелень высоких деревьев, едва колеблемых тихим утренним ветерком.

Выходя из ущелья, еврей даже успел увидеть перед собой башни Гренады, озаренные первыми лучами солнца, когда в тени показалось человеческое лицо.

Альмамен невольно вздрогнул, заметив пару темных глаз, устремленных на него. Еврей остановился и схватился за кинжал, как вдруг послышался резкий свист, который был повторен вокруг и позади.

Прежде чем еврей успел опомниться, он был окружен толпой мавров, переодетых крестьянами.

– Так, друзья мои, – спокойно сказал Альмамен, столкнувшись с яростными взглядами, устремленными на него, – неужели вы опасаетесь одинокого дервиша?

– Это волшебник, – произнес кто-то из толпы. – Пропустите его.

– Нет, – отвечал другой, – отведем его к начальнику. Нам велено задерживать всех, кого ни встретим.

Это мнение одержало верх, и Альмамен, от ярости скрежетавший зубами, был вынужден следовать за маврами в самую чащу леса. Наконец они остановились на большой полукруглой поляне, покрытой густой и высокой травой. По поляне бродило некоторое количество лошадей, а на траве отдыхала еще более многочисленная толпа крестьян, чем та, которая окружила еврея.

– Кого вы там привели? – послышался вопрос из гуши отдыхающих, и от звука этого голоса кровь застыла в жилах Альмамена, а лицо стало белым как снег. Из толпы своих товарищей поднялся один мавр, по виду начальник.

– Клянусь бородой Пророка, это не дервиш! Что ты делаешь вне города в такой час?

– Благородный Муса! – воскликнул Альмамен, хоть и удивившись, что тот, кого он считал своей жертвой, непонятным образом сделался его судьей. Еврей, успев опомниться и собраться с духом, продолжал: – Я могу отвечать только государю моему, правителю Гренады. Я исполняю его повеления.

– Разве ты не знаешь, – грозно произнес Муса, – что тебя ждет неминуемая казнь? Смертью изменника и перебежчика должен умереть всякий, кого застанут вне города между закатом и восходом солнца.

– Служители Альгамбры – исключение из этого правила, – отвечал Альмамен спокойным голосом и нисколько не меняясь в лице.

– Как?! – произнес Муса, по-видимому, встревоженный какой-то внезапной, мучительной догадкой. – Неужели слухи, распространившиеся в городе, справедливы и правитель Гренады в самом деле ведет переговоры с неприятелем?

Муса несколько мгновений размышлял и затем, когда окружающие мавры по его знаку удалились, продолжал громким голосом:

– Альмамен, скажи мне всю правду! Ты был в христианском стане по какому-нибудь поручению от государя?

– Нет, не был.

– Но ты находишься вне городских стен по его поручению?

– Если бы и так, то я изменил бы моему государю, открыв кому бы то ни было тайну его поручений.

– Я не слишком уверен в тебе, волшебник, – произнес Муса после минутного молчания. – Я знаю, что ты мой личный враг, и полагаю, что именно ты своими советами настроил Боабдила против меня, против его народа и против исполнения его обязанностей эмира. Но, как бы то ни было, жизнь твоя пока сохранена: ты останешься здесь и с нами возвратишься к государю.

– Но, благородный Муса...

– Я все сказал. Стерегите волшебника и дайте ему коня: этот человек останется с нами в засаде.

* * *

Пока Альмамен, так неожиданно арестованный, продолжал без всякой пользы горячиться из-за распоряжения Мусы, христианский лагерь тихо дремал. Наконец, когда из-за гор уже показалось солнце, сперва послышались неясные звуки, а затем поднялся шум и гам, что возвещало воинские приготовления. Отряды кавалерии собирались в различных частях лагеря и под предводительством храбрых и опытных вождей отправлялись в различных направлениях или на поиски фуража, или в надежде встретиться с одиночными группами неприятеля.

Одним из подразделений кавалерии, отличавшихся блестящим оружием и богатыми доспехами, командовали маркиз де Вильена и его младший брат – отважный дон Алонсо Пачеко. В этом подразделении служили многие из членов знатнейших фамилий Испании, а офицеры из числа рыцарей, соперничая друг с другом, старались затмить простых воинов проявлениями личной храбрости. Вот почему имя Вильены привлекало все смелые и пылкие сердца, томимые общим бездействием в этой тщательно спланированной кампании.

Солнце было уже высоко. Оно яркими лучами озаряло блестящее оружие и доспехи товарищей Вильены, когда отряд, оставив за собой шатры лагеря и широкое поле, въехал в цветущую и роскошную рошу, расположенную на одном из холмов, которые окружают плодородную Гренадскую долину. Прелесть дня, волшебная красота окрестностей, надежда на успех предприятия – все оживляло и поднимало боевой дух отряда. Начальники и подчиненные в подобных разъездах часто забывали строгую дисциплину, будучи уверенными, что в случае необходимости всегда есть время о ней вспомнить. Веселые разговоры, иногда перемешанные с песнями, поддерживали бодрость простых воинов, и даже в кругу знати, сопровождавшей Вильену, не особенно проявлялась та обычная важность испанцев, вошедшая в поговорку⁴¹.

– Посмотрим, маркиз, – сказал дон Эстебан де Сусон, – будете ли вы держать со мной пари, чье копьё отнимет сегодня больше обожателей у мавританских красавиц – мое или ваше?

– Ставлю мой меч против вашего коня, – отвечал дон Алонсо Пачеко, принимая вызов вместо своего брата.

– Согласен. Но раз мы заговорили о красавицах, я хотел спросить у маркиза: были ли вы вчера вечером в шатре королевы? Местный цветник из придворных дам обогатился прелестной девушкой, и никто не может объяснить ее странного и внезапного появления. Ее глаза могли бы затмить роковой блеск кавы⁴², и если бы я был Родриго⁴³, то отдал бы корону за одну ее улыбку.

– Да, я слышал о ее красоте, – сказал Вильена, – и это, судя по всему, заложница, оставленная каким-нибудь мавританским изменником, с которым король, да будет благословенно его имя, торгуется насчет сдачи города. Мне говорили, будто принц Хуан получил жестокий выговор от королевы за свое нескромное обращение с этой девушкой.

⁴¹ «Важный, как испанский гранд».

⁴² Кава – испанское игристое вино. Однако в XV веке его еще не существовало.

⁴³ Родриго Диас де Вивар – легендарный испанский рыцарь, прославившийся своими подвигами в войнах с маврами в XI веке. Более известен как Сид. В 1094 году освободил от мавров Валенсию и стал ее правителем.

– Я видел сегодня утром нашего мрачного доминиканца, пробиравшегося в шатер принца. Можно поздравить дона Хуана с его посещением. Поучения этого монаха – как альгарробо⁴⁴. Как известно, плоды этого дерева могут быть вполне полезны, когда высушены, но в сыром виде они жесткие и горькие.

В эту минуту к маркизу подъехал один из подчиненных офицеров и сказал ему что-то на ухо.

– Хвала Богоматери! – вскричал Вильена. – Рыцари, нас ожидает добыча. Тише! Сомкнуть ряды!

Сказав это, маркиз въехал на небольшую возвышенность и, приложив руку к глазам, устремил взоры на равнину. Неподалеку он заметил толпу мавританских крестьян. Те вместе со своими лошадьми торопились укрыться в густой чаще леса. Прозвучал приказ к бою, и отряд быстро помчался вперед. Все голоса умолкли, и лишь стук доспехов и топот скачущих коней нарушал восхитительное безмолвие окрестностей, озаренных золотыми лучами полуденного солнца. Однако испанцы еще даже не успели подъехать к лесу, а крестьяне уже давно скрылись в нем. Маркиз отдал новый приказ, и воины выстроились в полукруг; небольшая часть отряда осталась в засаде, чтобы отрезать неприятелю все выходы из леса, а остальная бросилась в чащу.

Поначалу дорога была даже свободнее, чем испанцы предполагали, но скоро сделалась почти непроходимой. Неровная почва, из которой торчали корни деревьев, а также овраги, грязь и переплетающиеся ветви замедляли быстрый бег лошадей. Дон Алонсо Пачеко, не знавший себе равных в верховой езде, скакал на боевом коне – резвом, послушном и давно приученном к трудностям войны. Этот рыцарь скоро опередил и оставил далеко позади всех своих товарищей. Деревья уже скрыли его от их взоров, как вдруг лес огласился дикими кликами и, когда они умолкли, раздался одинокий голос дона Алонсо, кричавший:

– Святой Яго! Испания, к бою!

Каждый всадник пришпорил своего коня, но вдруг в воздухе засвистели стрелы и копья. Они дождем падали на латы испанцев, но со стуком отскакивали. Меж тем из кустов, из зарослей высокой травы и из-за камней появилось множество мавров, которые с дикими воплями окружили дружину Вильены.

– Назад! – громко скомандовал маркиз. – Мы окружены. Отступайте на равнину!

Он повернул коня и поскакал из лесу, но вскоре увидел нехристей, которые выходили на равнину стройными рядами. Каждый мавр вел за повод легконогого и гордого коня своего, а как только выбирался из лесу, тотчас вскакивал в седло.

Защищенный доспехами, опустив забрало и выставив вперед копье, Вильена ринулся на неприятеля, а за ним те из его рыцарей, которые успели освободиться от пеших мавров. Первые минуты ужасной схватки миновали: бранное поле покрылось трупами многих мусульман, павших под ударами христианских копий. Рыцари хотели проложить себе дорогу сквозь неприятельский строй, однако это удалось немногим, остальные были остановлены. По другую сторону скопища врагов раздавался одинокий голос Вильены:

– Святой Яго, спаси нас! – но храбрый маркиз был почти один со своим верным камергером⁴⁵ Солиером. Большинство рыцарей были стащены с коней; мавры с обнаженными кинжалами толпились вокруг и искали щели между шлемами и латами, чтоб нанести смертельный удар.

⁴⁴ Альгарробо – так в Испании называют рожковое дерево. Относится к семейству бобовых. Плоды этого дерева выглядят как стручки с семенами.

⁴⁵ Камергер – главный слуга в личных покоях государя или сеньора.

Однако ж товарищи Вильены, выбираясь из леса, постепенно присоединялись к своему предводителю, и в то же время возле леса показалась зеленая мантия донна Алонсо Пачеко, поэтому Вильена поздравлял себя со спасением брата.

Вдруг один из мавританских воинов оставил ряды и во весь опор поскакал туда, где находился Пачеко. На этом воине не было тяжелых доспехов, которые носили тогда все знатные мавры. Легкий и гибкий панцирь древних героев Аравии закрывал его. Блестящая чалма, защищаемая самыми тонкими стальными цепями, искусно разбросанными по ее складкам, выделялась своим белоснежным цветом. Короткий плащ и вся одежда его были такими же белыми. В левой руке мавра блестел небольшой круглый щит, а правая держала легкое и длинное копьё. Прекрасный вороной конь, в шерсти которого не было ни одного светлого волоса, казалось, гордился своим всадником. И когда этот мавр поскакал к тому месту, где показался Пачеко, то христиане и мусульмане одинаково затаили дыхание и прекратили бой: те и другие посчитали за святотатство вмешиваться в единоборство двух воинов, столь известных.

– Спаси, Господи, храброго брата моего! – вскричал испуганный Вильена.

– Аминь, – произнесли рыцари, окружавшие его. Все, кто во время этой войны когда-либо становились свидетелями самого отчаянного мужества, вздрогнули, узнав блестящее облачение и вороного коня Мусы ибн Абиля Гассана. Но знаменитый мавр оказался перед лицом противника, не менее славного и знаменитого. «Украшение турниров и ужас врагов» – таким было прозвище, которым кастильские рыцари и дамы с любовью наделили донна Алонсо Пачеку.

Лишь только испанец заметил приближение славного мавра, то сейчас же осадил своего коня, повернул и сделал большой круг, чтобы разогнаться и увеличить силу удара. Мавр, угадавший его намерение, также приостановил коня и дождался благоприятной минуты, а затем снова поскакал, и оба противника атаковали друг друга с таким искусством, которое вызвало невольные крики удивления даже в рядах христиан. Муса заслонила своим щитом от тяжелого копья Алонсо, между тем как легкое копьё мавра ударило о шлем рыцаря и не столько тяжестью, сколько меткостью удара покачнуло противника в седле.

Копья брошены; длинный широкий меч христианина и кривая сабля мавра блеснули в воздухе. С осторожностью и мрачным безмолвием противники повернули коней и снова ринулись друг на друга.

– Сдавайся, рыцарь! – закричал наконец гордый мавр. – Дни твои сочтены, если ты встретишь удар моей сабли. Недаром надпись на ней гласит: «Клинок правоверного – это ключ от небес и ада».

– Нечестивый язычник! – отвечал Алонсо глухим голосом, раздававшимся из-под его забрала. – Христианский рыцарь не устрашитесь целой армии нехристей!

Муса не ответил, лишь опустил повод на шею своего коня. Благородное животное поняло знак и полетело как вихрь, с радостным и нетерпеливым ржанием. Алонсо прикрывшись щитом и с поднятым мечом встретил удар. Мавр нагнулся; испанцы вскрикнули – казалось, что он уже падал с коня, но тяжелый меч не коснулся его. Зато острие кривой мавританской сабли попало в то место, где шлем рыцаря прилегал к панцирю, и беспрепятственно вонзилось в горло христианина. Бездыханный Алонсо в то же мгновение упал с коня. Доспехи рыцаря казались неповрежденными, но кровь медленно, с бульканьем лилась из смертельной раны.

– Алла-иль-Аллах!⁴⁶ – вскричал Муса, присоединившись к своим товарищам.

– Лелили! Лелили!⁴⁷ – вторили мавры, а испанцы, еще не успевшие опомниться от ужаса, были вынуждены вступить в рукопашный бой со свирепыми и кишачими повсюду врагами.

⁴⁶ Точнее: «Ля Иляха илля Ллах». Так звучит арабская фраза, которая означает: «Нет Бога, кроме Аллаха».

⁴⁷ Боевой клич и возглас ликования у мавров.

Мавры намного превосходили числом, и это было ужасно. Изумленные христиане не могли понять, каким образом нехристи успели поместить и скрыть такое число воинов на столь незначительном пространстве.

И пехота, и конница теснила отряд Вильены, уже потерявший многих воинов. Пешие мавры, искавшие между латами испанцев отверстия для своего острого кинжала, с отчаянным остервенением бросались под рыцарских коней, рискуя или быть растоптанными, или пасть под ударами тяжелых мечей всадников. Мавры-наездники, избегая прямого столкновения с испанским отрядом, попеременно наносили рыцарям урон то мечами, то копьями, то нападали, то опять ретировались и с невероятной быстротой совершали все маневры восточной кавалерии. Но движущей силой и душой своей дружины был непобедимый Муса. С быстротой, казавшейся суеверным испанцам возможной только для человека, сведущего в колдовстве, он врезался в самую середину сомкнутых рядов, которые Вильена пытался образовать вокруг себя. Муса одним решительным натиском уничтожил весь боевой порядок и легким, едва заметным лезвием своей ужасной сабли часто повергал наземь кого-нибудь из испанских рыцарей.

Вильена уже отчаялся выйти живым из этого сражения и снискать славу. К тому же его снедала грусть из-за смерти любимого брата, и в итоге маркиз решил в одиночку определить исход этой битвы. Он подал знак к отступлению, а сам, чтобы прикрыть свой отряд, приостановил коня и один, неподвижный как статуя из металла, обратился лицом к неприятелю. Хоть маркиз и не обладал очень большим ростом, однако ж считался искуснейшим и отважнейшим воином Испании, уступавшим разве что одному Фернандо дель Пульгару или Гонсало де Кордове⁴⁸

⁴⁸ Гонсало Фернандес де Кордова (1453–1515) – испанский военачальник, впоследствии прозванный Великий Капитан за свое умение руководить войсками. Младший брат ранее упоминавшегося Алонсо де Агилара.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.